

БИТВА ЗА НОВОРОССИЮ

ЧАСОВОЙ ПАМЯТИ

Битва за Новороссию (Вече)

Коллектив авторов

Часовой памяти

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)(061.3)
ББК 63.3(2)64=68

Коллектив авторов

Часовой памяти / Коллектив авторов — «ВЕЧЕ», 2026 — (Битва за Новороссию (Вече))

ISBN 978-5-4484-6107-1

Сборник рассказов и художественных очерков «Часовой памяти» – это война, запечатленная непосредственными её участниками: штурмовиками, военкорами, волонтерами. Это взгляд изнутри, без тени пропагандистского пафоса, без привязки к конкретному месту событий, не ограниченный хронологически и поэтому масштабностью своей охватывающий весь фронт от Херсона до Курска. Это осмысление происшедшего и происходящего, оценка непосредственными участниками событий. Это истории о чести, долге, служению Отечеству, о судьбах бойцов и командиров, о людях, ежедневно и ежечасно помогающих сражающейся армии. Это летопись происходящих на Украине событий, дыхание истории, пульс времени.

УДК 94(47)(061.3)

ББК 63.3(2)64=68

ISBN 978-5-4484-6107-1

© Коллектив авторов, 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Юрий Александров[1]	6
Пропавших без вести быть не должно!	6
Сергей Бережной[17]	16
Глубинщики	16
Казус	19
Николай Гаврилов[23]	22
Дневник военкора	22
Василий Дворцов[27]	34
Русская правда как российский закон наблюдения работы военно-следственного управления СК России на Донбассе	34
Диверсант из Мелового	37
Пикник на чистом озере	40
Виновата судьба	43
Пирожок подозреваемому	46
Белый платочек	49
Татьяна де Вриз[28]	52
Цветы нашей жизни	52
Игорь Тан[29]	55
Дыхание ангела	55
Вячеслав Заходякин[35]	58
Зона СВО	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Часовой памяти

© Бережной С.А., составление, 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

Юрий Александров¹

Пропавших без вести быть не должно!

И очерк. И рассказ. И разум с чувством, и чувства с разумом! Не пролог

Передо мной никогда не стояло вопроса или дилеммы: так ли важно и нужно ли помнить Своих – пропавших без вести во время войны; или же вообще не думать об этом, не искать, забыть, как о далёком и бесполезном прошлом. Интерес к истории России в целом и в целом к истории моей семьи возник во мне ещё в детстве – лет в девять или в десять. А может быть, и раньше: и неосознанно, и органично, как некая неотъемлемая, сущностная часть жизни: моего собственного организма и моей души.

Хотя тогда внешне это скорее походило на детское любопытство, которое моя взрослая родня воспринимала благосклонно, поддерживала, удовлетворяя его с радостью и по возможностям собственной осведомлённости и памяти. Они ничуть не сомневались в том, что всё должно быть именно так, и никак иначе. Ведь и мои вопросы, и их истории – случались не от праздности, а от непреложной человеческой потребности: знать свою историю и помнить о своих.

Правильно удовлетворённое любопытство непременно перерастёт в осознанное желание искать, познавать, сохранять в своей памяти и семейных архивах свою историю, обогащая её и передавая затем следующим поколениям своих. Ну а не распознанная в отрочестве (да и в любом другом возрасте) любознательность или удовлетворённая походя, более того – намеренно исковеркано, бестолково, предвзято – к чему приведёт? В лучшем случае – ни к чему. Ни к чему хорошему. Тем паче² такое верно по отношению к истории, как к памяти о Своих, – то и к наихудшему: к исчезновению! К исчезновению – семьи, страны или того и другого заодно. Примеров тому предостаточно: и в нашем прошлом, и в чужом настоящем.

Игначковы

Сердечные, добронравные рассказы мамы и бабушек о нашей семье, о себе, о моих дедах и прадедах – иногда забавные, а порою тревожные, но непременно трогательные и впечатляющие – всегда сопровождались бережным и неспешным перелистыванием страниц старого семейного альбома запечатлений³ (с фотографиями, открытками, вырезками из газет) – как Священного Писания, с продолжительными остановками на каждом развороте, с пристальным всматриванием их и моих глаз в изображённое там наше прошлое, в живые лица и глаза тех, кто оттуда наблюдал за нами.

Одни фотографии сохранились так, словно сделанные вчера. Другие – пожелтевшие, истрескавшиеся, потёртые, словно пережившие, испытавшие на себе такие же тяготы, что и изображённые на них люди. Иные же, на которых и лиц-то не получалось различить, смогли бы

¹ Юрий Геннадьевич Александров, пишет стихи, рассказы, очерки, эссе, философские размышления, пьесы. Член российского литературного объединения – Национальная ассоциация драматургов. Живет в Домодедово Московской области.

² «Тем паче» – союз, частица, употребляемая для выделения или усиления важности последующей части высказывания; «более того».

³ «Запечатление» – несколько значений. Здесь: то, что почитается как реликвия, то, что неизгладимо сохраняет память.

поведать и многое другое, да такое, о чём представить себе почти невозможно: если бы только рассказчики имели право на многие откровения, если бы только они об этом знали.

Трепет в руках и голосе моих родных, их заботливое, нежное поглаживание стародавних для меня снимков дорисовывали и оживляли во мне всё то, что когда-то – давно-давно, когда меня ещё не было и в помине – происходило, случилось, или могло бы быть, но не было никогда. Они разговаривали и со мной, и с теми, кто смотрел на нас с пожелтевших чёрно-белых фотографий.

Такие рассказы захватывали моё воображение, возбуждая мой интерес к подробностям происходившего в их историях, к тому, что было раньше и потом. Время от времени я перебивал рассказчиков, прося уточнений и подробностей. Тогда они, картинно «намеренно», по доброму хмурясь, чуть-чуть пожуривали⁴ меня: мол, нехорошо перебивать, тем более старших, мол, всё узнаешь, что возможно, – ничего не утаим.

На некоторые вопросы я получал ответы сразу же, не успев даже задать их. Однако другие оставались как будто бы без внимания моих рассказчиков. Лишь спустя много-много лет я стал понимать, что мои родные и сами не всё знали, не всё понимали, а о чём-то и вовсе не догадывались, да и не предполагали, как было на самом деле и почему.

Иногда я что-нибудь спрашивал во вдруг воцарявшиеся паузы, когда рассказчик, отвлечённый памятью, замолкал на несколько секунд, словно в это время он сам уносился в свою историю, чтобы ещё и ещё раз прожить то, о чём рассказывал. Мне повествовательно и чувственно объясняли и, радуясь про себя моей вовлечённости в те исторические события, наставнически и умилительно улыбались: и те, у кого сейчас на коленках лежал наш альбом, и те, так мне казалось, кто смотрел на меня с фотографий. Но чаще всего я, погружённый в события этих рассказов, слушал молча, представлял, переживал и впитывал то, что слышал, самопроизвольно и явственно дорисовывая картины истории в своём воображении так, как позволял мне мой возраст, да ещё и примеры патриотизма и стойкости героев из многократно просмотренных любимых кинофильмов: «Офицеры», «Вечный зов», «Горячий снег».

Иногда рассказчиков было двое и даже трое.

– Гляди-ка, Аськ! – задорно, с помолодевшим от воспоминаний лицом, говорила бабушка, обращаясь к моей маме, указывая на фотографию моего деда в будёновке. – Ты помнишь? Это тогда Михаил Никитович пришёл...

– Мама! Это в каком году?! – перебивала бабушку моя мама – Ася Михайловна. – Мне сколько лет-то было?!

– Ну, в каком, в каком... В тридцать пятом, что ли. Или... Или раньше... – растерянно недоумевала бабушка.

– Мама, а Асюля у нас только в тридцать пятом родилась! – со знанием дела вступала тётя Рита, родная и младшая сестра моей мамы.

– Вот! – подтверждала моя мама. – Но ты мне рассказывала об этом... – И затем, немного задумавшись, с грустью продолжала: – А я о *том* – как будто бы всё помню сама!

При таких и подобных диалогах и полилогах⁵ я всегда многозначительно молчал: то с простодушной улыбкой, разделяющей бабушкино недопонимание, то с максималистским удивлением, желающим конкретики, переводя свой насупившийся, требующий взгляд с фотографии деда то на бабушку, то на маму, то на тётю Риту, то возвращая его опять на фото деда в альбоме. При этом задавая про себя вопросом:

– А я-то помню? – без сомнения и иронии тут же сам себе отвечал: – Помню. Конечно же, помню!

⁴ «Пожуривать» – слегка журить. Журить (разговорное) – слегка бранить, корить.

⁵ «Полилог» – разговор трёх и более людей. «Диалог» (буквально) – «разговор двух человек».

Все те истории вели меня за собой, ввергали меня в свой водоворот тех легендарных событий, свидетелем и участником которых я не мог быть – ни по собственному возрасту, ни по до конца осознанному их пониманию. Однако я с охотой, увлечённо участвовал в них: всё проживал и переживал вместе со своими родными. Но, несомненно, так, как мог представлять себе лишь ребёнок.

Чаще всего такими рассказчиками были мои мама и бабушка. Рассказывали они о своём детстве и молодости, о тех далёких временах, как-то странно – необычно: вроде бы о себе, но одновременно как бы и не о себе, с теплотой, но немного отстранённо и даже чуть снисходительно. Случалось, что и не без лёгкой укоризны и в свой адрес, и ещё в чей-нибудь другой – своих сестёр, братьев, мужа, своих папы и мамы, другой родни и знакомых, которые в тот момент были и не были рядом с нами. Слушая их со взъерошенным сознанием и оголёнными чувствами, я содрогался и восторгался этими невероятными, потрясающими историями.

Все те рассказы повторялись ими всегда, – так с годами мне представилось, – чуть ли не слово в слово. Но искренность чувств их, с которыми они рассказывали про нашу жизнь, повторяясь опять и опять по-новому, неизменно впечатляли изнова⁶, притягивали, вовлекали, завораживали. Каждый раз я слушал их как впервые, вновь и вновь уносясь вместе с ними в их... – в наше прошлое. Ведь иначе не бывает, когда всё от всей души.

И никаких подделок или притворств в наших – в их и в моих – словах, чувствах, в восприятиях не было и в помине. И теперь, когда я вспоминаю те наши семейные «путешествия в прошлое», родные голоса, взгляды, переживания – сердечные, чистые, лучезарные – всегда со мною, во мне. Как будто бы все они – мои родные, даже те, которых я созерцал только по рассказам и фотографиям – рядом, вот прямо здесь и сейчас. Их теплота, их дыхание, их доброта – и тогда, и теперь – оберегают меня, придают силы, напутствуют праведностью и желают счастья.

Когда же их истории касались военных годин, то рассказы о моих дедах и прадедах укорачивались, становились отрывистыми, как сводки Совинформбюро⁷. Из них непременно доносилось так:

– Тогда Михаил Никитович написал заявление о снятии с него брони и отправке на передовую... И уже после сапёрного училища Василия отправили на Ленинградский фронт... Там, под Киевом, Григорий Николаевич был тяжело ранен...

Александровы

Однако так рассказывала только одна моя бабушка – мама моей мамы – Игначкова Анастасия Григорьевна, которой Михаил Никитович приходился мужем, Григорий Николаевич – отцом, а Василий – родным младшим братом её мужа. Так что первому я приходился внуком, второму – правнуком, а Василию – внучатым племянником (его хорошо помнила моя мама и, много рассказывая о нём из своих детских запечатлений, называла его дядей Васей; потому и я, впечатлённый её воспоминаниями, как своими собственными, вслед за ней стал звать его не иначе как «дядя Вася»).

Другая же моя бабушка, мама моего папы – Ежова Антонина Яковлевна, напротив, ничего и никогда не рассказывала о своём муже, моём деде – папе моего папы: Александрове Юрии Александровиче, в честь которого, собственно говоря, называли меня. Возможно, это парадоксально, но я никогда не расспрашивал о своём деде: ни у неё, ни у своего отца. Точнее сказать – не настаивал на рассказе о нём. Лишь чем-нибудь вскользь, безотчётно затрагивая их

⁶ Изнова, изново (устаревшее) – сызнава, вновь.

⁷ Совинформбюро – Советское информационное бюро – государственный орган информации населения о ходе военных действий в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

память, я улавливал, но неосознанно, что их лица сразу же наполняются как будто бы сожалением о чём-то и даже страхом. Я инстинктивно чувствовал это. И даже непонимающе видел. Они словно что-то таили. О чём? О ком? О нём?

Чувство самосохранения, инстинкт выживания присущи любому, хоть раз в полной мере испытывшему на себе боль и страх. Но тут эти чувства были обращены ими не к себе, а в мою сторону. А я, подспудно и бессознательно понимая обоснованность такой их сокровенности, и ждал, и не просил от них непременно всеобъемлющего честного рассказа. Я даже не знал, не понимал, о чём спросить: ни одного документа, ни единой фотографии деда не было. Кроме единственного снимка, случайно попавшемуся мне на глаза ещё в самом раннем детстве: маленького, пожелтевшего – «обрезка» от большой фотографии. На этом неровном останке⁸ прошлого был изображён человек в полный рост в военной форме и в пилотке с красной звездой: перед ним какая-то лужайка или двор, за его спиной деревянная стенка какого-то строения или плотный забор. На том артефакте ни лица, ни звания было не разобрать. Но бабушка сказала, что это мой дед.

В середине 1950-х годов бабушка Тоня дала запрос в Подольский городской военкомат на розыск своего мужа – моего деда. Через какое-то время пришёл ответ: мол, «в погибших не значится» и, дескать, «пропал без вести» – ни номера части, в которой воевал, ни места, где и когда пропал без вести Александров Ю.А., не было ни единого слова, ни ссылки хоть на какой-либо архивный документ.

Когда я «достаточно» подрос, чтобы начать осознавать всю значимость выражения «не быть иванами, родства не помнящими»⁹, – а к тому моменту, как «подросток», мне было уже за тридцать, – я стал расспрашивать бабушку и папу о своём деде. Но всё было безуспешно: все мои многократные попытки выяснить у них что-нибудь раз за разом упирались в непреодолимую стену: то ли их незнания, то ли какого-то запрета.

Такая моя настойчивость, даже надоедливость, в напоминании им, что меня-де называли в честь деда, и что моя честь, и даже обязанность, знать о нём хотя бы то, что знают они, привели лишь к тому, что баба Тоня показала мне тот самый «ответ» из военкомата. Она рассказала, что дед родился в Москве, что они с бабушкой поженились без согласия его родителей, и что его отец – мой прадед – в 1930-х годах был репрессирован и расстрелян. Именно поэтому в свидетельства о рождении сестры и брата моего отца, появившихся на свет после *этого* – в 1938-м и 1940-м годах соответственно, они были вынужденно записаны по фамилии бабушки. Так она поведала. И всё!

Понять, чем тогда это прозвучало для меня – «камнеизвержением» благодатного неба или же сбрасыванием меня с айсберга в бурю, – значит не разобраться ни в чём, во что такое «откровение» ввергло меня.

Но моё смятение оказалось недолгим. Даже можно сказать – мимолётным. Да к тому же отрезвляющим, проясняющим и настраивающим на правое дело: искать! Искать, искать и ещё раз искать! Искать, чтоб найти и разобраться!

Во-первых, мне стало определённо ясно, из-за чего мои расспросы о деде долго оставались без разъяснений. И то, почему в нашей семье на любые упоминания о нём было наложено эдакое табу. Всё сложилось так, что мои родные решили, что знание этих, пусть даже крохотных, подробностей способно резко повлиять и на меня, и на мою старшую сестру, на наши судьбы, причём не в лучшую сторону. Школьные годы моей сестры пришлись на 1965–1975 годы, а мои – на годы 1973–1983-й. И клеймо «правнуки врага народа» и «внуки пропавшего без вести» – в самом деле не лучшая характеристика для взросления детей и отнюдь не пер-

⁸ «Останок» (устаревшее; церковное) – память о ком-либо, о чём-либо.

⁹ «Иваны, родства не помнящие» (фразеологизм) – люди, не уважающие своей истории и традиций.

воклассная рекомендация в большую жизнь. Так тогда решили родители. И подтвердили, что, мол, страха не было – «времена не те», но опасения имелись – «мало ли что».

Ну и, во-вторых, манкуртом¹⁰ быть я не желал. И решил найти Своих: дедов, прадедов и дальше, и шире – на сколько хватит сил, средств и времени. Но прежде всех своего деда – Александрова Юрия Александровича: красноармейца, пропавшего без вести во время Великой Отечественной Войны в 1942 году. (Однако, начав свои поиски, мне в первую очередь случилось найти своего репрессированного прадеда – отца моего деда.)

К моему удивлению, такое моё устремление встретило полную поддержку и у моих папы и мамы, и у бабушки. Но, к сожалению, ничего сверх уже рассказанного мне добавить им было нечего. Мало того, то пожелтевшее фото деда, которое я видел в детстве, сгорело в пожаре ещё в 1979 году.

Дорогу осилит идущий. Первая попытка

С чего начать поиски, я не знал. Да и начинать было не с чем. Не было ни одной фотографии, ни одного бабушкиного с дедушкой семейного документа – свидетельства о браке, писем. Одним словом – ни-че-го!

Перво-наперво я повторил бабушкин запрос в Подольский ГВК – городской военный комиссариат. В 1994 году на такое моё обращение-заявление пришёл ответ, написанный вручную на обычной почтовой карточке. Дословно там так: «Центральный Архив МО РФ сообщает, что Александров Юрий Александрович, 1912 г. по учётным данным Отдела в числе боевых потерь сержантов и солдат Сов. Армии за период Великой Отечественной войны не числится»; дата, подпись.

Но такой ответ не поверг меня в уныние. Что-то мне подсказывало, что искать нужно во всех возможных направлениях: в архивах ЗАГСов, в домовых книгах, в церковных архивах (ведь родился мой дед в Москве в 1912 (!) году). Да и в архиве КГБ, в конце концов: если в семье есть репрессированный, тем более в дальнейшем реабилитированный, значит, и туда дорога.

Ближе всего к моему дому был местный ЗАГС. Туда я и отправился. Налегке: без плана действий, без чёткого понимания, что́ хочу узнать и даже, в некотором смысле, о ком. Мало того, я не взял с собой собственный же паспорт: мол, зачем он мне, я ж – вот он, здесь; к тому же – уже женат.

В многолюдном, шумном и суетливом ЗАГСе с хорошим недавним ремонтом – покрашенными потолком и той же блестящей краской стенами, я, привычный к самообучению, скоро ознакомился со всей настенной документацией. «Изученное» привело меня в некоторое замешательство: все документы с их содержанием, доходя до конкретики, непременно ссылались на другие – либо соседние, либо на те, которые на стенах отсутствовали. Я оказался в своеобразном лабиринте – лабиринте сознания, где бессознательность – норма. Ища выход из него, ориентируясь лишь по дверным табличкам, я отобрал наиболее подходящую из них – «Приём заявлений» и, постучавшись, открыл её носителя.

В непроницаемой тишине маленькой комнаты меня встретила приёмщица заявлений, с первого взгляда вполне себе добродушная. Я торопливо, от всего сердца, как родной, стал выкладывать ей и то, что меня тревожит, и то, что ищу; не забыв и про бабушку, и про отца с

¹⁰ «Манкурт» – 1) так Чингиз Айтматов в своём романе «Буранный полустанок, или И дольше века длится день...» обозначил человека, забывшего своё прошлое, отказавшегося от национальных обычаев, традиций, ценностей, потерявшего нравственные ориентиры; 2) человека, потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своём родстве.

матерью, и про жизнь свою «несусветную». Не преминул рассказать и про «заговские» настенные «кунштюки» в общем зале.

«Стоически» выдержав такой мой эмоциональный и многословный напор, она запрограммированно, скорее всего, ничего не поняв, замотала головой и подняла руку, дескать: «Стоп!» Потом привычно объявила, не отрывая взгляда от своих настольных дел: «Не кричите! Тише. Скажите конкретно, что вам нужно. Справку?» Пригашая эмоции, я, укоротив своё воззвание, что-то повторил, лишь акцентируя: «я хотел бы» и «как это сделать».

Зацикленный алгоритм «удовлетворения» просителей и прочих ходоков, установленный в неё должностной инструкцией, сработал, тут же включив «вживлённый» в неё же автоответчик: «Образцы заявлений в зале на доске. Там же порядок подачи и сроки ответа. На все другие вопросы ищите ответы на информационных стендах!» Пи-пи-пи! Надсадно поблагодарив, я возвратился в большую ожидательную залу, переполненную благостными растерянностями с предопределёнными свыше смятениями.

Циркулируя по периметру безответного зала, вновь и вновь перечитывая настенные тупиковые «афишки» и «прокламации», я вдруг услышал за своей спиной:

– Тут ничего не найдёте!

Оглянувшись, я чуть не носом упёрся в молодого худосочного очкарика, пространно смотревшего сквозь меня на эти же информационные каверзы.

– Тут ничего не найдёте, – повторил он и посмотрел мне в глаза. – Если хотите найти, то обратитесь к специалисту-генеалогу.

– Как вы сказали? – недоумённо заинтересовался я. – Гене... Кто это?!

– Генеалог. Это специалист по раскапыванию семейных тайн, – ухмыльнулся он. – Но учтите, *это* – дорогое удовольствие.

Я смотрел на него не моргая, как на волхва ниспосланного.

– Если вы желаете выстроить своё дворянское генеалогическое древо, то без спеца в этом деле не обойтись. Дворянские предки – дорого стоят.

– Меня, собственно, не интересует «древо». Я хочу найти своего деда, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны.

– Генерал?

– Нет.

– Старший офицер?

– Нет. Красноармеец.

– А-а-а! Ну тогда «спец» вам не нужен.

– А что нужно?

– Обязательно: время, деньги и... – тут мой таинственный просветитель, сфокусировавшись на мне, осмотрел меня с головы до ног. По-видимому, не найдя выгодного для себя продолжения своего явления, он, повернувшись и отходя, сжалившись, благотворительно добавил: – И упрямое упорство.

Из перечисленных требований у меня в наличии были только деньги. «Времени» не было совсем. «Упорство»... Сколько его потребуется? Чем его измерить и возможно ли чем-нибудь заменить, я не знал. Что же до «упорства», приправленного «упрямством», то тут вообще... чёрт ногу сломит, пока разберёт, что это такое.

Словно спиной распознав моё замешательство, инкогнито растолковал:

– Время – на поездки и копание в архивах. Деньги – на дорогу и прокорм. Что до «упрямого упорства», то тут каждый сам по себе: с ходу, наскоком – ничего не добудете; чётких правил нет, а те, что есть... Ха! – он хихикнул. – Хм! – он хмыкнул. – Вон – настенный саботаж. Всё нужно делать самому: уж поверьте спецу – я такими поисками не одну пару каблучков до пяток истёр.

Желая уточнить ещё кое-что, я протянул было к нему руку, пытаюсь тронуть его за плечо... Но тут кто-то толкнул меня в спину. Я обернулся назад. Передо мной кишела равнодушная ко всему чужому толпа. Толпа таких же, как и я, людей, каждый из которых по отдельности был, безусловно, душевным человеком. Я повернулся обратно к своему собеседнику. Но передо мной обозначились лишь сутулые, мятые спины и безликие органические фасады с не ожидающе-ищущими взглядами...

Оправдываться перед самим собой – обманывать и себя, и других!

То шапочное знакомство и невольная «перекличка» стали для меня, как ни странно, находкой и... самооправданием: времени-то у меня не было совсем. В самом деле: «дело» – «бизнес», приковавший тогда меня к нему его заботами, не терпящими отлагательств, отнимал у меня все силы и всё время до последней склянки¹¹. Я жил, как галерный раб, добровольно и даже с радостью устроивший такую свою судьбину. Как умалишённый, не понимающий, что такое рассудок. Будто Маугли¹², вскормленный дикими зверями, прозябающий в нехоженой тайге, не представляющий, что такое *человеческая* жизнь. Придавшись своему «делу» – истово, без оглядки, взрашивая его и лелея – без перерывов и отлучек, я позабыл обо всём на свете: и о своей родне, и о своей молодой семье... Всё своё и самого себя я отдал своему дитю – рукотворному моему детищу – ДЕЛУ.

То наваждение... Впрочем... Впрочем, то уж будет совсем другая история.

Итак, на чём я остановился? Ах, да: не было времени. Так-так!

«Знание – сила». «Многие знания – многие беды». «– Что они хотят? – Чтобы не было богатых. – Странно сие! А мой дед желал, чтобы не было бедных». «Ему покажешь медный грош и делай с ним, что хошь». «Всему своё время». «Каждому своё». «Всяк сверчок знай свой шесток».

До чего же прекрасен русский язык! Как собственная «нравственность», он способен обосновать и даже оправдать собственную же ленивость и лицемерность. Только скажи – хоть себе под нос, хоть во всеуслышание – мол: «нет времени!» или «я так не умею!», а ещё прибавив: «зачем, это не главное в жизни» или «бог даст», «бог простит», – и всё: ты свободен и от обязательств, и от спроса. И главное уже не главное. И дело уже не дело. И память не память. Здорово! А тут и пословицы наши, поговорки, да присказки в помощь и на все случаи жизни, на все состояния души человеческой (а другой-то и не бывает).

Вроде бы всё так и есть. Да! Всё так, да не так. А вернее сказать – совершенно иначе! Крылатая фраза без контекста, в котором она к месту значится, на автомате сказанная, – пустословие, к тому же вредное. А полупословица – так и вообще брехня, вздор, приводящая к оправданию чего угодно: хоть собственной лени, хоть предательства, хоть никчёмности.

Оправдаться перед другими возможно почти всегда: немного усилий и фантазии – и дело в шляпе. Другой вопрос – хорошо ли от этого *другим*, «нужно» ли им это. И если «нужно», то в какой степени это самое «нужно» им важно. «Оправдание» способно предстать и как «ширма» для человеческой несостоятельности, и как подлинное объяснение причины его же – человека – неспособности или преждевременности какого-либо его действия.

¹¹ «Склянка» – 1) Небольшой стеклянный сосуд; 2) У моряков – полчаса времени, обозначаемые ударом в судовой колокол; 3) В старом парусном флоте – получасовые песочные часы.

¹² «Маугли» – 1) главный персонаж рассказов Киплинга «Книга джунглей», выросший в волчьей стае и воспитанный ею; 2) в переносном значении – тот, кто честно заблуждается в чём-либо, ком-либо, причём беззаветно следует и отстаивает эти свои заблуждения; однако в то же время подспудно до конца не уверенный в своей правоте, неосознанно допускающий притом, что, возможно, всё обстоит совсем иначе.

Совсем иное – оправдание перед самим собой! О-о! Тут уж распаханная целина – ври не хочу: урожай-то подлинный не нужен, а «робу пропотевшую» от трудов «праведных» продемонстрируем легко и кому угодно.

Но тут – стоп! Зачем себе-то врать?! Для чего? Праведного, честного внутреннего успокоения, равновесия, удовлетворённости – не случится: волна самообмана отхлынет и вновь обнажатся отнюдь не досужие скалы и косы неперенных обязательств и дел, сдюжить с которыми получится лишь тогда, когда разберёшься сам в себе. И, разобравшись, сделаешь то, что обязан, что диктует тебе твоё внутреннее Слово: честно, с душой, без прикрас.

Самооправдание – это грех. Тот грех, что от лжи и лени. А они – ложь и лень – не что иное, как праздность: один из семи грехов смертных. Так в Евангелии сказано.

Однако оправдания себе я нашёл. Причём на любой вкус. А вот «свободного времени» выделить не удосужился. Я провалился в собственные «обоснованные оправдания», закутался, запутался в них... почти на четверть века. Лишь внешние силы с их неизбежными обстоятельствами сумели пробудить меня через потери самых близких и дорогих для меня людей. Цена по счёту, по которому я не рассчитаюсь и до конца своих дней. Как спящая красавица, я открыл глаза, увидев вокруг... не пустоту, но одиночество. Почти – «одиночество». И – множество дорог...

Но это – уже про другие «дороги». Хотя... Хотя путь-то один – познание. Вернее сказать – познавание. И в первую очередь – себя!

Дорогу осилит идущий. Второй шанс

Не избежал я и треволнений, возникавших время от времени: а вдруг окажется, что мои архивные раскопки приведут меня к извлечению на свет ужасного факта о том, что мой дед-солдат – предатель Родины. И такое «допущение» приводило меня то в бешенство, то в замешательство: «Он... Он мой дед! – какая, к чертям собачим, „измена“!»; «А стоит ли ворошить прошлое?». Но в какой-то момент возмущившись таким своим «допущением», я дал себе зарок: «Нужно искать и во что бы то ни стало найти: я должен знать всё, всё, что было. А там уж – разбирай и понимай сам: что, как и почему!»

К тому же ещё два обстоятельства скрепили меня.

Время от времени – между «делом» – возобновляя вялые «поиски», я узнал, что мой прадед, расстрелянный в 1937 году по небезызвестной 58-й статье¹³, был реабилитирован в марте 1958 года (о чём ни бабушка, ни отец, ни мама не узнали в этой жизни).

И ещё одно. Как-то случайно мне стало известно, что в первый пандемийный 2020 год была произведена реконструкция Мемориала Великой Отечественной войны на железнодорожной станции Влётная в Домодедовском районе. У прежнего памятника я бывал не раз: скромный такой был, с двумя десятками фамилий воинов-земляков. Теперь же, как я выяснил, фамилий очень много. И вот в один из тёплых, солнечных майских дней, купив по традиции красные гвоздики, я отправился к мемориалу.

Центральную стелу мемориала среди молодой листвы деревьев и кустарника я разглядел ещё от автобусной остановки. Подойдя ближе, увидел, что на гранитных досках, расположенных по бокам от стелы, выгравированы фамилии воинов-домодедовцев, «павших в боях за Родину в 1941–1945 гг.». Сколько их – я не сосчитал. Не додумался. Не сообразил. Меня целиком поглотила одна строка, высеченная в левом столбце четвёртой сверху, – «Александр Юрій Александрович».

¹³ 58-я статья УК РСФСР – «контрреволюционная деятельность», предусматривающая для военных «высшую меру наказания – расстрел, с конфискацией всего имущества».

Странное ощущение посетило тогда меня: никакого замирания, никакого томительного сердцебиения. Как будто бы я уже был здесь, видел и знал, что фамилия моего деда на своём месте – как и всегда...

Вернувшись домой, доставая ключи от входной двери, я обнаружил у себя в руках те красные гвоздики, что я принёс к мемориалу, но которые так и не возложил. Странно! Вот тут-то в сердце и голове зарокотало: «Не дрейфь! Дерзай!»

Так вот. Совсем недавно я возобновил свои поиски. Основания предполагать, вернее – быть уверенным, что теперешняя моя попытка станет успешной, объявились стопроцентные.

Во-первых, появились различные специализированные интернет-форумы, где разные люди ищут своих родных, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

Во-вторых, идёт централизованная и целенаправленная работа по оцифровке архивных документов: теперь их проще найти и самому, и архивариусам.

В-третьих... Ну а в-третьих – мне больше нечего терять из того, что когда-то было.

– Необходимо подать письменные запросы на формирование, состав и передвижение конкретных воинских частей, в которые направлялся ваш воин, – сердечно рассказывала мне Шилова Лидия Ивановна – поисковик с большим опытом в этом деле.

– Да! Но лучше запрос в архивы подавать лично, а не через поисковиков: отношение работников архива к таким запросам более внимательное, – дополнил Юрий Петрович Ржевцев, знающий толк в таких вопросах.

И это понятно: запрос от родственников – когда «глаза в глаза», воспринимается искреннее, душевное, а значит – и отфутболить его труднее. ЦА МО – Центральный архив Министерства обороны – встретил меня с «распростёртыми» объятиями.

– Ничего не получите, – холодно отрезала приёмщица и постаралась отделить меня от своей амбразуры для приёма заявлений, закрывая её «пуленепробиваемой» дверкой прямо перед моим встревожившимся носом и моим ртом, открывшимся в непроизвольном недоумении от полной растерянности. От столь безапелляционного откровения я прямо-таки опешил. На миг.

– Вы хоть бы фамилию спросили, – укорил я снисходительно и без тени намёка на «значимость» моего запроса.

– Чью? – слегка насторожившись, спросила приёмщица в штатском.

– Да хоть чью, – без единой эмоции и даже шёпотом ответил я, подумав: «Чёрт возьми, за тридцать лет – ничего не изменилось!»

– Ладно, давайте свой запрос, – то ли опомнилась, то ли снизошла она. – Через две недели сможете получить.

И уже как бы на выдохе, держась рукой за «броняшку»¹⁴, как будто бы пожалела меня:

– Вам почтой ответ выслать или сами подъедете?

Так вот: стремление познать свою собственную историю – историю и жизнь Своих – привилегия! Привилегия для стойких и настойчивых, таких, как нестигаемые оловянные солдатики!

Мы жалуемся: дескать, молодое поколение не знает и не желает знать о жизни и претерпении¹⁵ своих предков. Хм! А сами же не позволяем, ну или, как минимум, не способствуем им в их стремлении узнать и чтить! Сотрудников не хватает, воспитателей? А те, что есть – не те, что нужно? Зарплата маленькая? Мотивировок недостаточно? Или воспитание самих воспитателей требует должной настройки? А возможно, что и перевоспитания! Безумие? Глушь? Вредительство равнодушных? Наймитное саботирование? А?!

¹⁴ «Броняшка» (морской термин) – глухая водонепроницаемая дверь в переборке, на иллюминаторе.

¹⁵ «Претерпение» – мучение, страдание.

Но не будем строги. И я – не возмущился: мало ли что у неё случилось. Да и было лишь начало рабочего дня, а тут проситель сразу. Ну что тут прикажете приёмщице делать?

К тому же не премину отдать должное ЦА МО в целом: ровно через две недели ответ был готов. И я забрал его лично.

Не эпилог

С чего начинается Родина? Забыли? Помнить надо! Мы ЖИВЫ – пока МЫ ПОМНИМ и ЧТИМ! А чтобы люди помнили – необходимо, чтобы они знали!

22 марта 1942 года. Ивановская область, военно-пересыльный пункт Гороховецкие лагеря: 81-й запасной стрелковый полк 30-й запасной стрелковой бригады. Александров Юрий Александрович – сержант РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия), в составе маршевой роты МНС (младший начальствующий состав) номер 4411 отправлен ...

Я продолжаю свои поиски и исследования; исследования и поиски. С трепетностью, но и с уверенностью. Ведь сказано в Писании: «Ищите, и обрящете, толцые, и отверзца»¹⁶.

И ещё!

Часто случается так, что ищешь других, а находишь себя. И однажды всенепременно такое произойдёт. Тогда, с радостью и достоинством, я скажу моим папе и маме, моим бабушкам и дедушкам и всем Своим: «Нет больше „Александров Ю.А. пропал без вести“, в память о котором называли меня. Есть Александров Юрий Александрович – мой дед. И есть я – его внук, Александров Юрий Геннадьевич, который в честь его и в память о нём – носит его имя, данное мне!»

¹⁶ «Ищите, и обрящете, толцые, и отверзца» (церковно-славянский) – ищите и найдёте; стучите и вам откроют.

Сергей Бережной¹⁷

Глубинщики

1.

О них не рассказывают, не пишут и не снимают фильмы. Скупое говорят о них в штабах, разрабатывая операции, ссылаются на них, как на источник, только в разведдонесениях. Их даже в лицо мало кто знает. Они – «глубинщики», глубинная зафронтая разведка, редкой породы мужики. И имена их тоже знают единицы.

Я бы тоже не написал о них, но после встречи с Димой Никитиным решился, добился разрешения, написал, отправил на предмет «крамолы» комбригу. Он непривередлив, а вычеркивал слова, предложения и даже абзацы совсем не потому, что ему не нравится стиль изложения: он не хотел допустить даже малейший «прокол», благодаря чему будет раскрыто место происходившего или имена и позывные «глубинщиков».

Глубинная разведка была всегда окутана тайной еще с советских времён. И всегда носила отпечаток романтики. Время от времени собирались в каком-нибудь городе несколько человек разных и вполне мирных профессий: радиоэлектронщик, спортсмен, профессиональный водитель, обязательно врач. Это была точка отправления, откуда они «заныривали» на пару недель или даже на месяц, проходя все контрольные маяки, и оканчивали свой путь за сотни и даже тысячи километров. Без удостоверяющих их документов, с минимумом денег и продуктов – бродяги бродягами, лакомый кусок для любого милицейского патруля или участкового. На них объявлялась охота, но они оставались невидимыми и неуловимыми, обозначая свой путь условными «диверсиями» и даже откровенными шалостями.

Двое моих друзей были «глубинщиками». Третий – отец нашего боевого товарища Димы Чепенца, Героя Абхазии, погибшего при спецоперации в горах Сванетии. Обыкновенные, ничем не примечательные, никогда не рассказывавшие о своей второй жизни, таинственной с оттенком романтики.

Их готовили для выполнения специальных заданий в тылу врага в случае войны. Но рухнула держава, а заодно «стерли» уникальную школу вместе с преподавателями и учениками. И вот на четвертом году войны вновь встретился с «глубинщиками» из бригады Главного управления, прежде носящего гордое имя Главное разведывательное управление, аббревиатура ГРУ. Да и задачи у них теперь несколько другие...

2.

Их было двое – наверное, молодые, хотя, когда их вытащили в первую траншею, где впервые встретился с ними, они показались мне ровесниками, да только словно жизнь прошла по ним асфальтовым катком. Мы специально добрались к месту их выхода, чтобы встретить их, потому что первая встреча всегда ценна первым впечатлением.

Мы сначала услышали тяжелое прерывистое дыхание ребят Чуда и лишь через мгновение увидели их в плотном и вязком тумане. Они перевалили через бруствер и на мгновение остановились, чтобы мужики из эвакуационной группы перехватили носилки и двинулись дальше.

¹⁷ Бережной Сергей Александрович, писатель, публицист. Участник боевых действий в Сирии, на Донбассе, Украине и др.

Мы шли рядом с ними, подстраиваясь под шаг несущих, и я жадно вглядывался в заросшие лица лежавших на носилках и видел стариков. А еще узников немецких концлагерей – истощённые, измождённые, из фронтовой кинодокументалистики.

Их задача была проста – проникнуть за линию фронта в оперативные тылы противника, забазироваться, замаскироваться, вести наблюдение и сообщать в разведотдел корпуса. Но это на первый взгляд всё просто, а ведь надо тенью проскользнуть, найти место, где ты будешь невидим и неслышен, и работать максимально дольше. А еще ни при каких условиях не попасть в плен. Вот на это права они не имеют, потому всегда в нагрудном кармане лежит граната.

Их заводил проводник с группой разведчиков в конце января под завывание беснувшейся вьюги при видимости вытянутой руки. Повезло несказанно – метель замела следы. Между опорниками врага они расстались и дальше уже шли сами. Укрылись в развалинах дома – расчистили место со смотровыми щелями на все четыре стороны, натянули крышу – пол из антитепловизорной ткани, установили оптику, передали по радиации свои координаты и приступили к работе.

3.

Их должны были сменить через две недели – обычный срок «залегания». Они продержались полгода. Целых полгода, сто восемьдесят суток за второй линией обороны в десяти верстах от фронта. Засыпало снегом, вымораживало, вымокали под дождями, согревались, прижавшись друг к другу, задыхались от зноя, теряли сознание от голода и жажды. А в эфир регулярно уходили данные о курсах беспилотников, расположении огневых точек, маршруты подвоза боеприпасов и вэсэушников, перемещение техники, корректировали огонь.

Иногда удавалось сбросить им пауэрбанки для зарядки радиации, две-три банки каши и полторашку воды – растягивали по глотку: когда на неделю, когда на две. После дождей вычерпывали скопившуюся в вырытом углублении воду до самого дна, иногда выбирали грязь, натягивали на котелок бинт и выцеживали каплю за каплей. Иногда просто слизывали росу или иней с обломков досок. Самым тяжелым стал апрель: выдался сухим, небо днем и ночью бороздили «птицы», и тогда они пили собственную мочу.

А в разведотдел шли и шли весточки, а суровые и совсем не сентиментальные мужики тайком молились, чтобы они выжили, потому что вытащить их они физически просто не могли.

4.

Их вытащили, когда августовские туманы густым молоком залили балки и даже поднимались к стриженным снарядами макушкам лесополок. Прежние попытки заканчивались неудачно, и те четыре группы так и остались лежать на нейтралке, словно вешками отмечая путь телами разведчиков. Пятую группу повёл Чудо, командир разведроты, самый опытный и самый везучий в бригаде.

Командир понимал, что посылает Чудо на верную смерть, и, отводя взгляд, глухо выдал:

– Понимаешь, Чудо, надо их достать. Иначе как верить будут те, кто придет на смену, что их не бросят и всё равно вытащат.

Чудо ничего не ответил, лишь улыбка полоснула его рассеченное шрамом лицо.

Туман загустел и ещё не начал сползать в низины, когда разведчики глубоко за полночь добрались-таки к развалинам, где обосновались «глубинщики», бережно извлекли их – не ходоки они были после полугодового сидения, а толком не размять затекшие мышцы, уложили их на носилки и понесли, по наитию находя ту единственную тропу к жизни.

Линию фронта пересекли бесплотными тенями – благо она не была сплошной, и оборона вэсэушников в этом месте держалась на опорниках. Лишь когда перевалили за свою траншею, Чудо передал «глубинщиков» ожидавшей их группе эвакуации.

Через час их принесли в посёлок, где на выезде находился блокпост, и осторожно усадили на траву, прислонив к мешкам с песком. И только здесь увидели, что один сжимает гранату, а у второго пальцы словно прикипели к портативной рации.

Солнце уже стало нарезать туман, отсекая пластами и позволяя ему сползать в балки. Дежурившие на блокпосту вэпэшники¹⁸ скоренько развели бульон из концентрата и подали «глубинщикам», но после нескольких глотков тех стало рвать – иссушенный организм отказывался принимать даже жидкость.

Их опять уложили на носилки, подсунув под голову бушлаты. А выползшее из-за леса солнце касалось их лиц, и только сейчас я разглядел, что всё-таки они молоды.

Через четверть часа примчались командир и начальник оперотдела, обнимали «глубинщиков», гладили их по заросшим лицам и что-то говорили, а потом, взяв на руки, отнесли к машине. И на глазах командира закипали слезы. Впервые за всю эту войну.

А мы не стеснялись своих слёз... И даже Чудо катал желваки, кусал губы, и каменели скулы.

Я ничего не знаю о судьбе этих «глубинщиков». Не знаю их имен и званий. Не знаю, откуда они, какого рода-племени. Знаю только от их командира, что одному из них в день «вызволения» исполнилось двадцать три. Старше второй, ровесник его или младше, мы так и не смогли понять.

– Какая же это сила заставила их вынести такое? – произнёс я вслух, ни к кому не обращаясь, но повернувшись к Чудо.

– Да нет, не заставила. Невозможно заставить. Это внутренняя сила духа и вера. Без веры никак нельзя, – Чудо говорил глухо и медленно, но так веско и убедительно, что сомнений не оставалось: вера, конечно же вера.

5.

А вместо них на смену Чудо завёл в развалины двоих других. Они нырнули в проём и затаились: им предстояло две недели вести наблюдение. Первые тоже в январе заходили на две недели, а «задержались» на полгода. Эти двое понимали, что никаких две недели не будет. Две недели – это для слабаков, а они «глубинщики». Они и не такое выдержат.

«Глубинщики». Штучные мужики. Неприметные в жизни, молчаливые и даже какие-то робкие и стеснительные. На таких Россия держится...

¹⁸ Военная полиция.

Казус

Восемнадцать суток с раздробленными ступнями полз Алексей Маресьев по заснеженному лесу. Голодный, замерзший, с обмороженными руками и ногами. Полз на запредельной силе воли, упорстве и жажде жизни. Полз за гранью возможного.

Мы в четырнадцатом двое суток выходили по тылам украинских войск без крошки хлеба и глотка воды. Днем жара, вечером дождь, ночью мороз. Но двое суток – это не восемнадцать, да еще зимой. И когда мозг готов был выключиться от усталости и накатывало равнодушие – будь, что будет, пронзала мысль: Маресьев, голодный и обмороженный, не сдавался, а мы...? И мы, вцепившись в жизнь, уходили от преследовавших карателей, отстреливались, но шли, по минному полю шли, задыхались от жажды, но шли и вышли.

Когда мне рассказали, что штурмовик два месяца провел под завалами, раненый и контуженный, и выжил – не удивился. Знал подобные случаи, хотя два месяца – это не двое суток и даже не восемнадцать. Это много. Даже не много, а запредельно много. Но так захотелось увидеть вернувшегося с того света, что едва дождался утра.

Мы встретились с ним в госпитале. Выше среднего, худощавый, ходит без палочки, щурится на солнце, улыбается... Какая-то блаженная улыбка всё растягивает губы, а он соби-
рает их обратно в ниточку. Второй контракт уже разматывает, и всё в штурмах. Был в отпуске, нашел судьбу свою, женился – сначала ЗАГС, и сразу же венчание.

Спрашиваю: «Почему венчание?»

Глупый, наверное, вопрос, а он даже не удивляется. Говорит, что жизнь прежнюю переосмыслил и будто с чистого листа начал. А в Бога уверовал еще после первого ранения. Не должен был выжить, не в масть карта легла, а Господь взял и с того света вернул.

* * *

В конце мая штурмы брали опорник. Он с напарником – «двойка» в связке – заскочили в траншею, гранатами вправо-влево, очередями вдоль окопа – вроде всё чисто, уцелевшие «захистники» смотались, остальных сволокли в конец траншеи – отдыхайте, парни, ваши чёрные души уже с Бандерой общаются.

Укры огорчились и стали засыпать брошенную позицию минами, ложившимися густо и всё норовивших лечь в самой траншее, разметав осколки и обвалив её. Взявшие опорник штурмовики откатились на исходную: «закреп» не подошёл – просто не успел, а теперь и ни к чему: только положат зазря людей. Хотя почему людей? Здесь были штурмовики, «закрепы», эвакуаторы, «муравьи» и ещё с десяток специфических профессий, но никак не людей. Люди – это другое.

Чтобы не испытывать судьбу, эти двое не стали отползать назад или убегать по полю, вышивая ажурные заячьи петли, а нырнули в блиндаж – добротный, бетонированный, скорее даже ДОТ¹⁹, который и прямое попадание бомбы выдержит, а не то что сто двадцатые мины, а тем более восемьдесят вторые²⁰. Железобетонный дот-блиндаж даже не содрогался вместе с землёю: лишь была его мелкая дрожь, когда мины ложились на накат в два бревна, оголяя его от земной насыпи.

Арта утюжила опорник еще с полчаса, а потом обрушилась тишина. Присев на корточки в углу, они улыбались счастливо: здесь можно было отсиживаться до второго пришествия. Одно только не учли: мины обвалили тонны земли на бронированную дверь, открывающуюся

¹⁹ ДОТ – долговременная огневая точка. Бетонированное или стальное оборонительное фортификационное сооружение.

²⁰ 120-мм полковой миномёт; 82-мм миномёт.

наружу. Всё. Ловушка. Железобетонная западня. Две амбразуры – узкие щели высотой пятнадцать сантиметров и длиной в полметра – хороший обзор и сектор стрельбы, да толку: через них не выбраться. Благо, хоть воздух поступает.

– Во, блин, казус какой вышел, – с надеждой ощупывал стены и давил плечом на дверь первый штурмовик. – Это, значит, мы сами себе место погребения выбрали?

– Не мели, – одергивал его второй. – Какое погребение? Вот вернутся наши и откопают.

Не вернулись: то ли планы изменились, то силы иссякли, то ли то и другое вместе. Да и зачем возвращаться на уже пристрелянное место? Только потери множить.

Укры не зашли на прежнюю позицию: а зачем? Траншеи обрушили и засыпали, тела погибших и не вытасканных раненых густо перемешали. Эти двое штурмов поначалу пригодились драться, припав к амбразурам и выставив автоматы. Но проходили день и ночь, и ещё день и ночь, и ещё... Но никого не было, и лишь справа и слева доносились глухие взрывы.

Полторашки воды хватило на неделю, хотя цедили её буквально по капле. Банка каши закончилась чуть позже. Через полторы недели уже ничего не осталось, и жажда наждаком раздирала горло и едва ворочался распухший язык. В конце месяца пошел дождь, и в узкую щель амбразуры удалось просунуть разрезанную полторашку, собирая воду. Летний дождь короткий, и собранной водою едва наполнили шлем, но это уже было сродни нечаянному счастью. И все эти дни непрерывно они ножами отковыривали бетон, но на пятисантиметровой толщине наткнулись на сетку-рабицу и металлические прутья. Это был приговор надежде.

– Ну вот мы и старость обманули... Молодыми умрём... – сказал первый.

– Не спеши, побарахтаемся ещё... – тихо ответил второй.

На сороковой день их обнаружили наши разведчики. Сначала хотели «шмелём»²¹ «зайти» внутрь, да решили убедиться: наши это или враги. А те кричали от радости, плакали без слёз – им просто неоткуда была взяться в обезвоженном организме – и верили, что теперь они спасены. На «птахе» сбросили бутылку воды и банку каши. Казалось бы, всё, конец голоду и жажде, но следующие четыре «птички» были сбиты. Они лежали в десятке шагов, словно дразня полторашками, а штурмы умирали от жажды, глядя на воду.

Через трое суток по туману добрались разведчики, через амбразуру передали воду, еду, кувалду, зубила, клещи, и почти месяц они крошили бетон, перепиливали арматуру и резали сетку. Укры почувствовали что-то неладное, и несколько мин легли совсем рядом. Вреда не причинили, зато осколки посекали разведчиков, попытавшихся откопать дверь.

На семидесятый день вечером на месте амбразуры уже был проход с рваными краями, и они попытались выбраться. Сначала пошел первый и сразу же откатился влево в прямочек, следом, выждав интервал в два десятка метров, второй. Он едва отполз на пару шагов от блиндажа, как притаившийся «камикадзе»²² разорвал его. Оказывается, «залёг» вражина в засаде, пропустил первого, не заметил, а вот на второго и среагировал: поднялся на пару метров и сразу же спикировал на него. А первый полз, волоча ногу и опираясь на одну руку – вторая висела плетью, пока не потерял сознание.

Когда пришел в себя уже в лазарете, то улыбнулся сквозь гримасу боли: «Вот ведь казус какой: сами себя замуровали. Бывает...»

Зовут его Дмитрий Александрович Никитин. Штурмовик 3-й штурмовой роты (её больше нет – закончилась) 1-й танковой армии. По возрасту едва старше Христа. Четыре ранения, за два получил выплаты. Наград нет, зато есть дочка. Ради неё и живет. И сражается.

Неисчерпаема силой духовной земля Русская.

²¹ Реактивный пехотный огнемет РПО-А или «Шмель» – советский и российский реактивный пехотный огнемет одноразового применения. Термобарическая реактивная граната, начиненная огнесмесью.

²² FPV-дрон.

За три года войны и два года в штурмах наград не имеет. Было дело – представлялся, да рубили в штабах: строптив больно. А медалью он всё-таки награждён. Называется «Генерал армии Д.С. Сухоруков». Общественная медаль, номерная, Всероссийской общественной организации «Ветераны боевых действий России». Это награда от тех, кто знает, что такое война. Знает цену жизни.

Николай Гаврилов²³

Дневник военкора

1. По первому сигналу выдвигаемся...

17 сентября 2025

Из бота:

«Разыскиваю сына... находился по ул. Скрипниченко, их там было 3 мирных, должны были выводить. К ним шёл русский солдат, но за ним дрон увязался, парень этот забежал к ним в подвал, и дрон туда же, больше я не знаю нечего...»

«Здравствуйте, есть информация, что туда, где находился мой сын, был прилёт, их засыпало, но сын мой вылез оттуда, его видели с беспилотника, а потом потеряли из виду. Возможно, он ещё жив. Где-то прячется... пожалуйста, помогите найти моего сына, прошу Вас!»

«Добрый день! Ищу свою мать, город Часов Яр. Проживала в подвале дома по улице Артема. С ней было ещё 5 женщин и 5 мужчин. По слухам, в подвал зашла иттурмовая группа РФ, вслед им ВСУшники закинули гранаты, после чего произошел взрыв баллонов с газом. Часть людей задохнулась от угарного газа, а некоторые, в том числе и моя мать, выбрались из этого ада, но беспилотники сбросами добивали их. Человек помог ей спрятаться. Что дальше, непонятно. Либо она скончалась от ранений, либо её добили... Помогите установить её судьбу...»

«При обстреле из территории троллейбусного парка Кулацкого хутора снаряд попал в дом. На тот момент я со своим мужем и сыном-инвалидом переселились в этот дом. Муж погиб (ему оторвало полголовы). Из-за дронов мы не могли его нормально похоронить. Мужа завернули в одеяло, сверху положили завернутый в полиэтилен паспорт...»

И такие заявки каждый день. СМС приходят и в пять утра и в три часа ночи. Боль не может ждать. Выворачивают душу, рвут сердце. Потому, что сделали чужую беду своей. Два города, две чёрные дыры, Часов Яр и Дзержинск... *«Найдите мамочку..., мой сыночек, зашёл с группой, вся группа пропала без вести, помогите найти... помогите захоронить папу... найдите моего любимого, единственного на свете человека, ради которого живу...»*

* * *

Дорогие наши. Ситуация такая. Часов Яр – да. Во всяком случае будем пытаться, пока не получится. Ждём подходящей погоды и выдвигаемся. Понятно, что дальше предстоит долгая работа по выстраиванию логистики между адресами поиска, налаживанию взаимодействия с пацанами, которые там, хотя этому часто мешают ротации. Но тем не менее...

²³ Гаврилов Николай Петрович, писатель, лауреат нескольких международных премий. Волонтер. Живет в Минске.

* * *

По Дзержинску – пока НИКАК. Не пустили. Сказали: ждать две недели. Туда зашло известное подразделение, то, что недавно стояло на Комсомольце и других местах в Горловке (кто понимает, тот понимает). С одной стороны, это хорошо – мы работали с ними в Мариуполе. С другой стороны – они там пока сами плохо ориентируется. На данный момент – передвижений ноль. Даже тяжелых раненых не выводят. Получилось, что части РФ, идя на Клепан Бык, как бы вдавили группировку ВСУ ближе к Дзержинску, поэтому Щербиновка потихоньку выходит, город – нет. Каждая заявка от вас – это боль, мы хотим и можем что-то сделать, но на две недели у нас связаны руки. МЧС пока тоже не зайдет. Ждём две недели, а сейчас хоть договорились на два рюкзака жизненно важных медикаментов: от эпилепсии, инсульта, сердца, астмы, антибиотики. И то, эти рюкзаки не передадут руками, а лекарства будут сбрасывать мирным с дрона адресно. В Щербиновку лекарства ребята, что там, сами доставят. И ждём. Ждём. По первому сигналу выдвигаемся.

* * *

Тяжёлая обстановка. Именно поэтому последнее время мирных не выводят из города. Покровское направление забрало лучшие части, с которыми легко работать. Были мы и там. С одной стороны – приказ наступать, с другой – ВСУ бросают все силы, чтобы закрыть дверь, в которую вошли части РФ, и взять их в котёл. Пацаны там... Насмерть стоят. От «нуля» до позиции сорок км. Два дня иди под роями «птиц» – «опасных, бескровных», как поётся в одной песне. Вернее, по прямой – расстояние 17 км, но это по открытке, полями, живым там никто не дойдёт. Поэтому приходится зигзагами пробираться по посадкам. Бесконечные атаки противника, который вообще не считается с потерями, чтобы закрыть горлышко котла. И наши там – зубами, в смертном бою. Напишем, на что способны люди.

* * *

Нам бы хоть часть заявок закрыть. И тогда можно будет пойти в осенний парк, – пусть под ногами шуршит листва, сесть на скамейку и бездумно смотреть в небо. И чтобы вокруг было тихо и светло, как на душе.

2. 27 сентября 2025. Война не по телевизору...

Телефон не умолкает: ни днем, ни ночью. Пишут из России, Украины, стран Европы.

Из бога: *«Родители были в подвале пятиэтажки... Дом загорелся, все, кто был в подвале, стали выходить... и по ним открыли огонь из автоматов. По словам свидетелей, мама сразу погибла, отец был сильно ранен в обе ноги. Остальные убежали, а когда вернулись через несколько дней, тел уже не было. Где и как искать? – не представляю...»*

«Здравствуй, мою сватью расстреляли в её же доме по адресу... Похоронить её не смогли, эти... организовали в доме позицию, стреляли по всему движущемуся, даже по собакам и котам. Я понимаю, что сейчас не до этого, но когда будет сбор всех трупов, захоронить ее хотя бы в общей могиле...»

«Здравствуй. Помогите найти брата. Мирная жительница рассказала, что они прятались на ул. Герцена, потом дом разбомбили... Один из сослуживцев говорил, что там возле дома были гаражи, якобы брат туда отполз... в общем, мы не знаем, где наш родной».

«Они подожгли дом и не давали родителям выйти, там было несколько человек, как только дверь открывалась, дрон сразу сбрасывал гранату... Помогите найти тела...»

«Сын ушёл на БЗ... Сейчас числится без вести пропавшими. У него была сильная контузия, возможно, он лишился памяти и не помнит, куда идти... Умоляю...»

Такое уже было. В Мариуполе мы видели страшные вещи. Она жила в частном доме вместе с мужем и двумя детьми, один из детей – мальчик – аутист. Мы про неё когда-то писали. Дом, вишнёвый сад, на окнах решётки. Мужа убило сразу, он остался лежать в коридоре, она бегом спустила мальчика в погреб, и только потом поняла, что дом горит. Начиная с коридора. Билась об эти решётки. Подбежали соседи, начали их ломать, она в погреб, но сын сильно испугался и не хочет выходить: вырывается, царапается. Она даже не замечала, что ей на спину капает расплавленный пластик с потолка. Потом обернулась и увидела, что начала гореть дочь. Бросила сына, побежала к дочери, сбивать огонь с платья. У обеих потом 70 % процентов ожогов. Двоих спасти она не могла, сына оставила в погребе. Лишь сказала: «Прости, сынок».

Что ей сейчас снится, мы не знаем. Но в Мариуполе не было дронов, его не штурмовали год, её и дочь сразу вывезли в больницу. А в Дзержинске и Часов Яре соседи не прибегут, никто не прибежит, только прилетит сверху дрон, и поэтому сидят люди в подвалах вместе с обожженными, тяжелоранеными родными, и хоть головой об стену бейся, ты можешь только смотреть, как он мучается и умирает. Война не по телевизору, она именно такая – чёрное слово из пяти букв. Да, спасают, да, жертвуют собой, да, много светлых людей встречаешь, но в конце ты всё равно со своим горем один на один.

Мы писали, что будем давать данные погибших, только если точно знаем, где тела. С мирными пока подождём, начнём давать позывные военных. Их же кто-то ищет...

Позывной «Якут» Золотухин Николай. 1977 г.р. Погиб 1.12.2024. Место знаем. Позывной «Тамагочи» Белых Александр. Погиб по ул. 60 лет Октября. Место знаем. Позывной «Алтай». Лежит на крыше пятиэтажки. Место знаем. Позывной «Рус» Сергей. Красноярск. Погиб 9.11.2024. Место знаем. Позывной «Давид» или «Давыд», расстрелян 05.11.2024. Место знаем.

Ул. Куйбышева, 3 и Куйбышева, 5. Много бойцов. ВСУшники бросали в окна ТМки (танковые мины). Позывные уточняем. Ещё там же по улице трое бойцов под завалами. Позывные уточняем.

Есть семьи, которые отказываются выходить. Понимаем их. Не выходят, как правило, чтобы не бросать своих, которые не дойдут, – неходячих, раненых, слишком пожилых. Они сделали свой выбор, и для нас их выбор дорогого стоит. Единственная добродетель, которая не имеет двойного дна, обратной лукавой стороны, – это самопожертвование. И верность.

30 сентября из Дзержинска вывели: Игнатович Н.В. 1960 г.р., Кордик А.В. (в больнице)

В районе Артемовского остались (о ком знаем): Сысоева Елена, Джигар Сергей и еще Елена, фамилию не знаем, Позняк Александр, Позняк Лариса, Ирина (фамилию не знаем).

Если есть родственники и бывает связь, убедите их эвакуироваться. Лучше пока не будет.

3. 1 октября 2025 г. Светлое желание помочь...

На пост с позывными пропавших без вести пришло много отзывов от мирных жителей Дзержинска. Кто-то даже вел дневники. Читая их, по штрихам открывается удивительная картина симбиоза жизни военных и гражданских в городе, которого нет. В городе, если смотреть на него с камеры дрона, могут обитать лишь Белые ходоки и красть на улицах мертвых. Но там есть жизнь, спрятанная глубоко в подвалах. Полнокровная жизнь среди обваленных подъездов и обугленных стен со своими маленькими радостями. И люди там, как и мы с вами, любят, надеются, ссорятся, мирятся, мечтают и видят сны. Мирные спасают раненых, отдают им последний глоток воды, и военные отвечают тем же. Они там, в подвалах, родные.

Из ответов мирных:

«20 августа рано утром мы с женой увидели у своей калитки кровь. Я начал кричать, что сейчас подойду, что не надо стрелять, и жена кричала, что мы мирные и хотим помочь. Открылась дверь летней кухни, и мы увидели военных с красными повязками из скотча. Их было трое. У старшего – позывной Малой. Двое других были ранены, Володя – в ногу, а третий, тяжёлый, – много осколочных ранений, сильное кровотечение. На следующий день я принёс им воду и еду, но там остался только тяжелораненый. Малой и Володя ночью ушли пробираться к своим. Тяжелораненого звали Сергей Гопанюк, из Горловки, с 5-го квартала. Два дня я за ним ухаживал, а на третий вернулся Володя. Он рассказал, что они с Мальым дошли до гранитного цеха, где сидели ВСУ. Те открыли огонь, Малой погиб на месте, – Володя видел, как его обыскивают, а сам, так как шёл далеко позади, опираясь на палку, успел заскочить в какой-то гараж. Там отсиделся и вернулся к нам. Мы жили вместе около месяца, потом с женой начали выходить из города. Расставаясь, я отдал ребятам все консервы и воду и поклялся, что не брошу их... Когда вышли, я рассказал военным, где они лежат. Что с ними стало дальше, я не знаю...»

«...В декабре 2024 года мы в подвале у себя дома приютили ребят. „Аса“ – звали Алмаз, родом с Татарстана, 33 года. „Чёрный“ – Артур с Алтая, 56 лет. „Михалыч“ – Миша, 43 года, родом из Омска. Алмаз вскоре погиб, возле гаража напротив церкви, Забалка. В этот же день к нам пришли раненые ребята, мы с мужем оказывали им помощь. Это были Балу, Большой, Кирпич, Таракан, Комар. Когда мы выходили, они были живые...»

«...Позывной Леший. Как зовут – не знаю. Но когда мы пришли на ул. Маяковского, там была записка: „Слава России, Слава Богу! Позывной Леший. Ухожу один!“ – Это дословно, все вокруг было в крови, он был тяжелораненый...»

«...Мы с мамой жили с военными на ул. Владимирская, 27. Ребята стали для меня родными. Они спасли нас, делились водой, едой. Я обязана им жизнью. Самое малое, что я могу сделать для них, поделиться информацией, которую знаю. Богдан погиб при штурме банка (банк был недостроенный, но очень укрепленный, брали его недели две). Бор погиб возле подъезда на Владимирской, 27 (1973 г., пятеро детей). Знаю, что тела переносили в дома в центре, ближе к Титанику. Написано Итальянец, я знала Италию (зовут Владимир, Брянской области, две дочери, комвзвода). Был жив, когда нас выводили... Благодарна им до конца жизни, слезы наворачиваются, когда думаю о них...»

* * *

Очень много обратной информации. Искреннего, светлого желания помочь. Не строим иллюзий, не хотим дарить призрачных надежд, многие из того списка – «200». Но кто-то может быть живым. И ради него, ради тех, кто его любит и ждёт, и пытается сдержать слезы, когда о нем спрашивают дети, стоит идти дальше, сбиваясь на ложные следы: ошибаться, возвращаться, а потом, когда найдёшь, улыбнуться небу.

Скорее всего, где-нибудь в Гуляй-Поле или Малиновке население не будет таким искренним. Там Украина. Но Донбасс – он в большинстве своем ментально русский. Когда тебе навстречу из подвала выходят люди: закопченные, пропитанные запахами земли, пороха, дыма, страха, – и плачут, говоря: «Как мы вас ждали, родные», – у бойцов появляется четкий ответ, зачем они здесь. Эти люди, обнимающие тебя, выносящие тебе последний глоток воды, мотивируют бойцов больше, чем любое телешоу с экспертами.

* * *

Дзержинск. Стихи четырнадцатилетнего мальчика, жившего в подвале вместе с семьёй. Стихи так и называются «Подвал». Получилась песня. Она стоит того, чтобы её послушать.

4. 3–4 октября 2025 года. Где же вы, спасите...

Дорогие друзья. Те заявки, что пришли вчера-сегодня, пойдут в четвёртую часть. А сейчас начинаем обратную связь по позывным. Где-то ясность полная, где-то кусочки мозаики, из которых ещё предстоит собрать картину. Итак, ещё раз. Ищем БП²⁴. Если «двухсотый», тоже ищем. Для того, чтобы потом, когда чуть двинут Клепан Бык, вокруг Дзержинска выставят заграждения из блокпостов, натянут сети и начнут по полной, даже под завалами, работать эвакуационные команды, иметь точные координаты тела бойца для идентификации. Чтобы родным не пришлось потом проходить круги опознания по ДНК. Начинаем. Вперемешку – осколки мозаики и полную картину.

...Позывной «Добрый», зовут Дима. Видела на Маяковского 43, в середине мая ушёл в сторону пятой школы.

Позывной «Глухой», зовут Дима. Очень хороший парень. Погиб. Должен лежать между домами 42–43 по улице Маяковского.

Позывной «Лекарь» (он же Старый). Это был мужчина в возрасте. Зашел с группой разведки. Был на ул. Киевская. Крайний раз видела в январе, в районе Водобуда, он должен был идти с группой в сторону Забалки.

Позывной «Немец» лежит около ИВС или ментовки, рядом особняк. Там его и Сталкера завалила бабка («Баба-яга»), а Сава, Папаха и Пушкин – частный сектор, перед выходом на шахту. От эвакуации Сава, Пушкин и Папаха отказались.

Римского-Корсакова, 7, один уцелевший подъезд... в дальней комнате, которая выходит на дорогу, там лежит парень, позывной «Москва», 20 полк. В первом подъезде, который мы взорвали ТМкой²⁵, там, может быть, ещё живёт дядя Лёша, (мирный). Единственная квартира на первом этаже, уцелевшая после взрыва.

Позывной «Лис». Как зовут – не знаю. Из группы разведчиков. Ребята говорили, что «Лисенок», раненный в районе Водорода, ул. Вологодская. Решали, как его забрать. Забрали или нет – не знаю.

Позывной «Балу», как зовут – не помню. Был сильно ранен в ногу. Должен был откатываться в сторону банка на Маяковского.

Римского-Корсакова, 45, в подъезде лежит один или два трупа умерших гражданских, не расстрел, умерли по естественным причинам. Во дворе, на метке второй, двое наших и гражданский, если их прилетами не разобрало, в доме кафе есть, там минимум шестеро «200» наших, среди них Фермер должен лежать, с простреленной грудью.

Позывной «Рыбак», зовут Андрей. Из разведки. На руке носил серебряный браслет. Сам из Волгограда. Направлялся в сторону Забалки.

Аршин, Красивый, Мамай, Шум, Мигрант, Метис, Череп, Фил, Темный, Повар, Пастырь, Лысый, с ним был еще один – позывной «Харьков». Все «двести». Щербиновка. Координаты должны быть.

²⁴ Без вести пропавшие.

²⁵ Противотанковая мина.

Позывной «Русский». Очень хороший и серьёзный парень. Они штурмовали шахту им Дзержинского. Осколок попал ему в глаз, он должен лежать на территории шахты.

Позывной «Шамиль». Высокий, крепкий. Ушёл на БЗ²⁶ в начале марта в сторону центрального рынка.

Позывной «Москва». Молодой. Сидел в подвале на химволокне с гражданскими, там еще была Кузьмина Татьяна.

Позывные – Балу, Абу, живы, прячутся на Щербиновке.

Пока хватит. У кого позывные совпадают, пишите, будем сверять имена, внешность, часть.

По гражданским. Щербиновка. Дней 12 назад вышла группа из 5 человек. Фамилии четверых, наверное, знаем, но не напишем, это только предположение. Кто пятый – не ясно, очевидно проводник, из гражданских. Шли без сопровождения. Военные с дрона видели, что группу накрыла арта. Но тел потом не видели, скорее всего, залезли в какой-нибудь подвал, а значит – живы. Ищем. Будет информация – сразу напишем.

Много случаев расстрелов ВСУ мирных граждан в городах и сёлах, которые они оставляли. И не думается, чтобы они так же по-зверски вели себя с жителями Львова. Где-то расстрелы были эпизодичны, где-то повальными, просто шли по улице и стреляли всех подряд. Или стучались в двери и говорили: «Русские пришли». Люди открывали, а их с улыбкой убивали. Всех, включая лежащих стариков и детей. Стреляли походя – идёт женщина по улице, жмется к заборам: «Что, русских ждёшь?» – и выстрел в голову. Походя. А для неё вся Вселенная свернулась. И для её детей. И хоть вой в небо, уже не вернёшь. Много такого было. Но были и другие случаи...

* * *

Это случилось в ноябре. Голые деревья, холод, дождь. Часов Яр. Русские войска были на подступах – шли бои, всю работала артиллерия, летали дроны. По улице поднимался дым: горела техника ВСУ, горели дома. Она с семьёй пряталась в подвале под летней кухней. Солдат ВСУ почти не видела, лишь изредка они пробежали по улице, один раз заскочили во двор, прячась под навесом, переждали дрон и побежали дальше. И вот как-то поздним вечером, когда семья сидела в подвале, над головой послышалось шаги. Кто-то ходил по летней кухне. Собака начала рычать, она приложила палец к губам: тихо, молчи, – и собака поняла, лишь скалила зубы и напряжённо смотрела на потолок. Было страшно. А звуки наверху не утихали. Надо было пересилить страх и выходить. Всё равно утром подвал бы заметили. И она вышла.

В лицо сразу фонарь. В кухне двое. Один на русском: «О, мирные. А что вы здесь делаете? Почему не эвакуировались?» – «Мы здесь живём». И не скажешь же – специально остались, готовились переждать бои, муж запасной выход из подвала выкопал, если завалит. И она ответила: «Да, собирались, но не успели, а сейчас сами видите, что кругом». – «Сколько людей в подвале, сколько мужу лет?» Ей было очень страшно, знала, что делалось на соседних улицах. Сейчас скажут: «Зови его», – и заберут, а в ближайшем переулке после найдут убитым. Или сразу всех... «54 года» – отвечает, а голос у самой дрожит. И тут второй, на чистом украинском, видно с запада, говорит: «Жинка, мы в вашей кухне побудём, а утром уйдём».

Вернулась в подвал. Трясёт. Сама не понимая, что делает, взяла посуду и вышла обратно, мыть её под дождём. Один из них спал, второй сидел, караулил. Муж потом ругал: «Куда пошла, хочешь, чтобы застрелили?»

Они проснулись около 2-х ночи. Прилёт дрона по летней кухне. Потом второй. Подумали: «Ну всё, их убило». Тишина. Потом стук: «Тётя, це я – Дима. А вы не пустите нас до эбэ?»

²⁶ Боевое задание.

В подвале места почти не было, они сели возле входа и ждали рассветной серости. Потом ушли. На следующую ночь опять стук: – Тетя Галя, пустите. А то мы, как светлячки...

В тепловизор дрона светились все их органы и кровотоки. Как не пустить. Кинут гранату и всё равно займут. На этот раз их было человек пять. Как раз в эту ночь сбросом убило мать Вани, который сидел с ними в подвале. Надо было утром прийти, собрать останки, захоронить, чтобы собаки не растянули. Но их не пустили. Ушли они на следующий день, а перед этим – тот, который говорил на чистом украинском, отозвал её в сторону. И по его глазам было видно, что он всё прекрасно понимает, почему они остались. И он сказал:

– Тетя Галя, мы отсюда уйдём, а вы тут останитесь. Колы русские до вас зайдут, хай человек не выходить и нэ отповедает. Вы выходите.

То есть он давал ей инструкцию, как себя вести с приходом штурмовиков РФ. Они ушли. А ночью прилетела «Баба-яга» и зависла над двором. Молились, прощались. Знали, у «Бабы-Яги» много всего, чтобы сжечь их живьём. Каждую секунду ждали удара. Камера «Бабы-яги» ворочалась, осматривая двор. Потом шлепок. Утром смотрят – свёрток. Два одеяла, продукты, вода. Ничего не взяли, подумали, что свёрток не им. Собака все разорвала, съела сухпайки. На вторую ночь снова. Гудит в темноте – демон ночи, и снова свёрток. А потом пришли русские. И она узнала, что тех ВСУшников взяли в плен. Молилась, чтобы их не обнулили – в армии РФ не только Лермонтовы воюют. Их не обнулили. Война с человеческим лицом... Но ненависти этой не надо. Война тогда сойдёт на нет, без всяких политиков.

По поводу СОЧ, БП и надежды

Он из «Шторма». Кашник. Позывной, место, даже направление указывать не будем (не Дзержинск). Люди нам доверяют, не будем их подводить. Есть видео – множественные осколочные в ногу. Нога, как ведро, воспалительный процесс, из ран просто льётся гной. По этическим соображениям не выставляем. Но оно есть, как доказательство. Он пример – как бывает. Будем стараться вывести его через комендатуру.

Из бота: *«Здравствуйте, нахожусь... сам из Шторм V. Ситуация такая, что ранило, командование начало гнать вперёд, но не могу идти... рацию разбило, не могу вернуться к своим – пошлют заново на мясо, а у меня осложнение по ноге, начала гноиться, благо есть добрые люди, которые меня приютили и помогают. Откровенно говоря, боюсь выходить на своих, прошел уже месяц, как я без связи... Хотелось бы попасть к адекватным людям, которые помогут добраться до комендатуры/вск или госпиталя, обращаюсь к вам с вопросом по данной ситуации, может, вы знаете выход...»*

* * *

По мирным. Живые в Щербиновке – тот край, что знаем: Себул Вадим, Себул Юрий, Себул Валентина. Кошмакова Елена. Шкурат Александр. Булатецкие – три человека. Рапота Сергей, Вера. Людмила (Ефименко)? – фамилия может быть неточна.

Харьковские – БП. Скорее всего, это та группа выходящих, которую накрыла арта. Вместе с ними женщина с сыном эпилептиком. Тел нет, ищем, надеемся, ждем.

Булатецкий Николай – БП. Выходил, но не дошёл.

Старченко Валентина – подрыв на mine, должны были эвакуировать во 2-ю больницу, но по пропускнику больницы не проходила. Может быть, через травмопункт. Тогда стопу не удаляли. Завтра будем знать точнее.

Погибшие: Швеи Александр, Сахно Людмила, Себул Наталья, Додукало Елена и Александр. По городу. Живых, которых знали – вывели. Остаётся много БП. Погибшие – о ком знаем. Толстых Тимофей с отцом – похоронены. Коретников Руслан – не захоронен. Гуц Алек-

сей – не захоронен. Были еще ВСУ – тяжело раненные, за ними ухаживали, отгоняли собак, чтобы не растащили, потом прямое попадание, поэтому позывные нет, наверное, смысла называть. Если надо – узнаем.

Очень ищем Ткаченко-Овчаренко Людмилу с района 11-й шахты (12-й район), ул. Цветочная. Ходили слухи, что она погибла вместе с группой выходящих, но это не так. Есть основания полагать, что жива. Очень просим мирных и бойцов, кто хоть что-нибудь знает, дать по ней любую информацию.

По военным. Тяжелее всего узнавать у «штормов». Очень много одинаковых позывных, и фото не всегда помогает, люди месяцами не выходили из подвала, а свет – фонарик под потолком от аккумулятора дрона. Тем более все заросшие, грязные. Балу – фамилия Голиков, откуда-то с северных регионов РФ. Был сильно ранен, уходил один на Маяковского, опираясь на доску. Дальше судьба пока неизвестна. Таксист Алексей – на голове носил ленточку 90-го псалма. Рыбак Андрей, Патрон – Артур, Бурый Сергей, Петрович – Владимир – тоже с севера, или долго там работал. Лис – Лисенок, о котором много вопросов – входил в эту группу разведки. Они с Патроном прятались в одном доме, хозяин которого раньше торговал растительным маслом, – в результате пожар, сильно обгорели, но Лис оставался живой. Забрали или нет – пока не знаем.

Ещё по повторяющимся позывным. Москва. Около двадцати лет. Выходил раненый с гражданскими. По нашей информации вышел, должен был попасть в больницу Донецка. Симба – около двадцати лет, раненый, раны в очень запущенном состоянии. Должен был выходить. Москва другой – постарше. Сидел в Музыкальной школе. При выходе подорвался на mine. «Двести». Скоро будет более полная информация. Якут – Золотухин Николай. 1977 г.р. Погиб 01.12.2004. Позывной «Тамагочи» – Белый Александр. Оба лежат по улице 50 лет Октября, возле фонтана.

Где-то мирных вообще не подпускали, где-то дружили, рассказывая друг другу сокровенное. Иногда даже оставляли на рации, сами уходя на БЗ. Доверяли полностью. Одна женщина хотела угостить их чаем – чай еще был. Поставила чайник на газовую горелку и попросила одного из разведчиков зажечь спичку. А коробок украинский – желто-синий. Смотрит, а разведчик сразу тихонько снимает предохранитель на автомате, готовит гранату и боком становится к погребу. Только потом поняла, что он подумал, что она подала ему знак – в погребе ВСУ. Говорит: «Я была счастлива с ними (с разведкой), до этого боялась, сердце заходило каждую минуту, а с ними спала спокойно, хоть по мне крысы бегали».

Шаг за шагом, кусочек за кусочком составляем картину ада прозрачного города. За неделю нашли с десятков человек, трое из которых живы. Одного готовимся выводить.

Удачи нам всем – нам и родным, которые отдали Родине самое дорогое и ждут. Если у кого-то есть связь с мирными, которые готовы эвакуироваться, – пишите в бот, с пометкой – для Ремарка. Будем решать.

5. Иногда быстро, иногда месяцами...

Тревожная осень

Из бота: «...координаты слева, там дом, который подожгли укропы, в развалинах лежит тело нашего парня, если сможете вытащить, 1 ОМСБР, позывной Павлик, погиб 19 или 20 декабря...»

«...Мы не знаем, верить или нет... Но вроде бы в том месте, где погиб мой брат, живёт старушка, седовласая, невысокая, эта старушка где-то похоронила моего брата, она всех прикапывает... Найдёте эту женщину?»

«В конце августа 2024 у нас проживали ребята, и два человека погибли, на нас скинула „Баба-яга“ две мины. Погибли: позывной Тихий и Ролл, итурмовики. В погребке вместе с нами было 13 человек. Они к нам пришли вчетвером – позывные: Тарас, Логонед, Тихий, Ролл. Тарас очень сильно был ранен после прилёта...»

«Мы зашли на шахту – 123 человека. Вышло всего 6. Остальные все остались там. Координаты я знаю... Пятак остался под завалами на шахте...»

«Тут в здании амбулатории, напротив Римского-Корсакова 45 лежит Завар. Убит 27 декабря».

Имя мирного не указываем, он – «двести».

«...Знала с детства. Видела его в форме ВСУ. Правый сектор. Шёл по забалкавскому рынку. Между 2015–2020 в городе его не было. Потом опять в форме появился. Потом сказали, что он в 2022 остался среди мирных...» – Лежит не прибранный.

«Я ищу мирных жителей г. Торецк: т. Таня, д. Виталий (им за 70 лет) и их сын Алексей (инвалид). Жили в районе ул. Кочубея. Они в октябре 2024 спасли моего брата, позывной „Монах“, зовут Андрей. Брат снова БП с 1 февраля. Он очень переживал за них. Если бы не они, он бы умер. Можно их найти, чтобы сказать: „Спасибо!“

„Здравствуйте! Помогите, пожалуйста, найти мою мамочку! Плиска Лариса Григорьевна. Сидела в подвале с людьми, Барда Анатолий и ещё люди. Анатолий с людьми пошли на Горловку. Семью Анатолия расстреляли, он чудом остался в живых. Мамочка боялась сидеть в подвале. Пожалуйста, если есть возможность, помогите, я Вас прошу!!“

„Может быть, Вам попадётся информация о позывном „Друг“ Дима. Всегда говорил, что если останется инвалидом, – не даст об этом знать, чтобы не портить мне жизнь. А я готова на руках его носить, быть его руками и ногами, если их нет, не важно, какой он, главное чтобы жив был! Я умираю каждый день вместе с ним, он всё для меня и жизнь и воздух, весь мир...“

Мой телефон весит грамм сто. А сейчас он для меня весит, как вся планета Земля, и давит с той же силой. Там война без монтажа, без припудривания и подкрашивания. Обратная её сторона. Там тысячи матерей, жен, детей, отдавших Родине самое дорогое, что у них есть. Лишь кто-то пишет: *„Мой любимый слишком правильный, он никогда не останется СОЧ, я знаю, он остался лежать под той плитой...“* – Списки, бесконечные списки... Фотографии. Разные лица, добрые и серьёзные, весёлые и мрачные. Тысяча лиц. Многие из них к нам уже не вернуться, но мы к ним придём обязательно. За границей смерти. И будет встреча, которой живёшь – в этой жизни, или в той.

Все они герои. Каждый из них. И пусть они не успели сделать ничего героического. Но они пошли туда. Не заплатили, не откосили, не сбежали. Пошли, поставив гранату на самоподрыв. Я всего один раз был в ситуации, когда надо себя подорвать. Снял кольцо, ослабил чеку, чтобы в нужный момент успеть сделать движение. И когда опасность ушла, – я не знал, как жить дальше... Просто не знал. Потом стояли с товарищем в храме на коленях, и люди смотрели на нас. Но это было всего один раз, а пацаны, что там, – что они испытали? В этом наша мотивация. Отдать им долг. Они свой отдали. И матери их – отдали сполна. Теперь наша очередь. Поэтому мы подняли этот пласт, открыли ящик Пандоры, и пойдём до конца, как те пацаны из списка.

Мои мальчишки, сыновья, каждый день кормят голубей. Мирный город, бульвар, кругом кафе, ресторанчики, а мальчишки сидят, буквально облепленные голубями, голуби садятся им на плечи, на руки, клюют с ладоней, и люди вокруг улыбаются, настолько умиротворительна эта картина. И я улыбаюсь, и думаю, Господи, блаженно неведение. Через пару дней мы будем бежать, прятаться, по нам будут стрелять, будут лететь дроны, но это неважно – важно то, что сколько бы ты ни сделал, успокоения не получишь, потому что несделанного будет больше.

6. Двор „Титаника“

10 октября. 2025

Наши дни. Возле зоны. Дзержинск. На улице пусто и тихо. Но стоит лишь начать движение... Поиск в таких местах, как вышивка. С одной стороны, четкий узор, ни одной лишней линии. Но мы видим обратную сторону, где куча разноцветных ниток в полном беспорядке пересекаются друг с другом. Надо повернуть полотно... Иногда это быстро, иногда месяцами... И везде продолжают жить люди.

* * *

...Алтай в конце сентября был в подвале с мирными. Потом ушел в подвал Куйбышева 3, приблизительно после 10 ноября. Собираем по кусочкам. P.S. Нашёлся. В госпитале.

* * *

Сегодня немного о районе Титаника. „...Первые военные ребята, их было двое, зашли к нам в подвал по улице Куйбышева, 3, первый подъезд, пятиэтажка возле Титаника, 25 сентября 2024 г. Сергей г. Красноярск позывной „КОБА“, убит, лежит с торца дома первого подъезда. Юра Иваненко г. Горловка был отправлен на задание в сторону третьей школы, горисполкома здания, находятся рядом. Слышала, что был сброс и он „двести“. Жену звать Татьяна, живут в Горловке, где раньше был рынок, Александрия, где-то в этом районе. 26 или 27 у Юры родился сын. Погибли ребята после 15 октября 2024 г. Потом к нам 12 октября с девятиэтажки зашли двое: позывной „Алмат“ и „Давыд“ или „Давид“. „Алмат“ погиб при выполнении задания на крыше пятиэтажного дома по Куйбышева, 3, между третьим и вторым подъездом. Он ростом где-то 1,60 м, может немного меньше. Знаю только с его слов, что ему не больше тридцати лет и у него четверо детей, Алтайский край, город не знаю. „Давыд“ или „Давид“ – тридцать три года. Был в „Вагнер“. Родителей нет, воспитывала бабушка, – это с его слов, больше о нем ничего не знаю. Расстрелян 09.11.2024 г. Лежит между Куйбышева, 3 и Куйбышева, 5. Через нашу пятиэтажку проходили ребята и двигались вперед на задания. Очень много ребят погибло между Куйбышева, 3 и Куйбышева, 5. Позывной „ТАТАР“. Его не видела и ничего о нём не знаю. Слышала, что погиб, его разорвало при выполнении задания между Куйбышева, 3 и Куйбышева, 5. На этом маршруте очень много ребят легло. Слышала позывной „Чегевара“. Вели его по заданию где-то в район шестой школы, больше о нем ничего не знаю. Очень много ребят погибли в девятиэтажке Титаник. Трое ребят лежат под завалом, третий подъезд Куйбышева, 3. Позывных не знаю. „Рус“ погиб, лежит на первом этаже в квартире, первый подъезд Куйбышева, 3“.

„Здравствуйте, читала информацию по поводу мест погибших. Знаю адрес, где под завалами лежат тела мамы Лагус Раисы и свекрови Бондаревой Эльвиры. Рядом на улице остался лежать брат Лагус Руслан, это Магдалиновка, улица Индивидуальная, д. 27. Это дом соседей, так как их дом расстреляли ВСУ. Может, это поможет для захоронения. Это точная информация, остался живой папа“.

* * *

Не хотим давать лишних надежд, но, возможно, жив Грач. Если кто что-то знает, отзовитесь. Заруба тоже в госпитале. Кент и Добрый, возможно, живы. Много там ребят, по домам, много под завалами. Возможно, жив Мотыль. Ищем. Может, кто видел из мирных?

Тут еще. Слышали, что кто-то предлагает эвакуацию тел за деньги. Даже из-под завалов. Не верьте. Это невозможно. Вы отдали Родине самое дорогое, пишите про таких, мы их порвём.

Они мне родные...

17–18 октября 2025

Дорогие друзья. Ещё раз напоминаем – оставляйте возможность обратной связи. Многие пишут: „Отзовитесь, не могу достучаться“, а аккаунт закрыт. И номера телефона нет. Оставляйте связь. Теперь по результатам: если мы пишем: „Найдено около 30 человек“, – это значит, что вместе с родственниками тщательно сравнили все исходные данные и теперь уверены на 100 %. Если „двести“ – знаем, где тело. Здесь возникает проблема, как перевести погибшего в соответствующий статус, а БП снять. Ищем решения, подбираем – в какие двери стучаться, пытаемся привлечь третью сторону, потому что бывает, что через часть это бесполезно. В любом случае остаёмся сопровождать, пока тело не эвакуируют домой. Если пишем, что нашли живого, значит, или вывели, или готовим точку выхода. Родственники в курсе, позывные и направление в канал не выставляем, пока не снимут СОЧ, как обещали.

С погибшими более-менее ясно. Много исчезнувших без следа. И гражданских, и военных. И тел нет.

Из бота:

„...17 марта 2025 г. был ранен, но, по словам сослуживца, его оставили на позиции ожидать эвакуацию, он был жив. Потом его не нашли“.

„Здравствуйте, ищу бойца с позывным УРУС, был в самом центре Торецка. Пропал в составе группы 4-х человек, на месте были найдены одни вещ. мешки, тел не было“.

То есть явно не СОЧ. И таких случаев очень много. Мутно всё. Поэтому хватаемся за любые обрывки информации. Клубок разноцветных ниток из повторяющиеся позывных. Фрагменты, голос по рации, случайные встречи в подвалах, когда человека еще видели в городе, но по датам он уже был БП. Много странностей. А где-то картина яснее ясного, но все равно остаются вопросы. Ищем. Посредники между мирами. Как в той песне Растеряева: „Адресок мой передай в родную сторонку, – 18-й квадрат, чёрная воронка“.

Обратная связь:

На последнем видео: Позывной „Тайпон“, который вылезает. Казах и Китаец Паша. На данный момент Тайпон и Казах БП, Китаец в госпитале.

У нас по спискам проходит Каспер.

„...Вместе с Каспером были Стриж и Ералаш. Они вместе уходили. Знаю, был четвертый парень с позывным Тимур.“

5.11 Каспер по рации передал, что попали под минометный обстрел, Тимур тяжелый „300“ и вытек.

Стриж и Ералаш от минометного в одну сторону, Каспер в другую“.

Дальше судьба пока неизвестна.

Здравствуйте! Бэха (55 лет, национальность уйгур) погиб 01.01.2025. Его тройка (Бэха, Керя, Ювелир) прятались ночью в каком-то здании возле центрального рынка. Их обнаружила „Баба-яга“. На Бэху упали плиты. Погиб мгновенно. Сообщил Керя. Керю откопала другая тройка (Днепр, Студент – молодой, высокий, сильный парень и Седой. У Седого спереди головы полоска белого волоса). Ювелир не пострадал. Ушел с другими бойцами на БЗ. Все остальные были ранены. Они меня и сына вывели в музыкальную школу. Там мы и расстались...»

«В сегодняшнем сообщении увидел позывной „Фара“. Понимаю, что повторяются, но вдруг. Встречал в Москве, находится в полку для выздоравливающих в Коммунарке. Имя Андрей. 27 ОМСБР 1 танковая. Ранения: левый глаз, левая рука. Сам родом из Курской обл.».

«Забалка: Гоша – погиб; Москва (Артем – молодой парень) ранен; Берёза; Джексон; Седой; Дон, Немец, Заяц. Призрак – погиб, троллейбусный парк. Москва, Берёза и Дон должны были откатываться из-за ранений.

Малой – бп с 20.02.25 район стадиона Авангард под завалом левая трибуна, пристройка со стороны улицы напротив двухэтажек. Они там вдвоем, второй Треф».

«Фил и Лысый зашли к нам в подвал Забалкой 07.11.2024 и пробыли до 13-го. Потом ушли на ул. Герцена, 9, потом в сторону 73-го училища...»

«Волк б/п с 09.12.2024 (может быть, это Археолог, у него два позывных), погиб 13.11.2024, на тот момент было 40 лет, из г. Серпухов».

Якудза (Якут, Сынок) – Николаев Богдан Евгеньевич, лет 27, бп с 03.08.25, был жив, ушёл на Забалку.

«Шахтёр (Вадим), гор. Шахты Ростовская об, лет около 40. На 14.11.2024 был жив, находился на Забалке».

«От Маяковского, 42, мимо дома ЦОФ к гаражам, перед ступеньками смотровой ямы лежит Доктор; сброс. Коля, из Кировской области, 5 детей, маме 85 лет, погиб там же. Позывного не помнят».

Такого много... Продолжим.

** * **

Нашли ещё двоих. «Двухсотые». Они мне родные. Не Соловьев. Они! Сам участвовал, сам много лет на войне. Парни: 132-й, 103-й, шторма, мирные, которые прошли ад, помогайте. Кто ещё их найдет?

Василий Дворцов²⁷

Русская правда как российский закон наблюдения работы военно-следственного управления СК России на Донбассе

Донбасс вбирал меня постепенно. Или впускал? Первые поездки восьмилетней давности не дали ощущения, тем более, понимания сотворения здесь чего-то принципиально нового – ещё одна «горячая» закровоточившая точка ещё одной окраины некогда великой России. Такими я видел Абхазию, Чечню, Южную Осетию. Та же воспалённость местничества, то же самомнение молодых лидеров при тоскливом смирении стариков. И неверие в худшее женщин. Вот что резко отличало от Кавказа – стремление всё прибрать сразу же после боя: починить окна и крыши, покрасить стены и заборы, прикопать воронки. Это местное нежелание жить в войне, жить войной, вызывало нутряное тепло славянского кровного родства. Потому как помню, что в иных краях под винцо над нардами местные искренне недоумевали: «Зачем ремонт? Мы знали – русские придут, сделают». Сюда русским приходиться не требовалось, они здесь уже были.

Захватывающее всё больше, всё настойчивее погружение в судьбоносные загадки Донбасса прямо следовало за затягиванием решения о его статусе. Затягиванием до невыносимости. То, что так стремительно произошло с Крымом, с Донецком и Луганском оказывалось почему-то невозможным. Множились встречи с преподавателями ВУЗов, библиотекарями, музейщиками, писателями. А с местной творческой молодёжью мы знакомились и в России, на наших конкурсах, фестивалях и семинарах. Общался я с шахтёрами, с врачами. Но, признаюсь, не совсем понимал местных. Сочувствовал – да, но не понимал. Не понимал их терпения. Их упёртости.

Замороженные Минскими переговорами линии окопов с перманентными автоматнo-пулемётными дуэлями то и дело вскипали полновесной артиллерийской канонадой, перекрёстным ракетным шипом. От «прилётов» гибли и крутые герои 2014 года, и совсем крохотные ангелы-ребятишки. Воронки прикапывались, стены красились. Война-не-война? Ночью бухали взрывы, а утром в автобусах и трамваях ехали студенты и школьники, в витринах магазинов обновлялась реклама. Работающие на войне-не-войне шахты, заводы, распаханые и засеянные поля.

Но в какой-то момент количество пыхнуло качеством. «Шизофрения» местной жизни как-то нехорошо резонировала, синергетически слилась с шизофренией всего моего Отечества: с 13-й статьёй Конституции и Гоголь-центром, с чайлдфри и господдержкой абортoв, с вывозом Центробанком к геополитическим конкурентам миллиардов долларов при миллионах собственных граждан, деградирующих «за чертой бедности». С новогодними разгулами с ноября по март, с никак никем не контролируемой закредитованностью при массовой дебилизации. Необратимое вымирание нации под «Comedy Club» и «Танцы со звёздами», более того – под секс-проблемы голливудских звёзд... Да боже мой, это же не Донбасс, это же мы все живём на шизофренической войне-не-войне, все мы – от Анадыря до Ростова! Донбасское нежелание жить этой своей войной-не-войной, отвращение Новороссии к своей войне-не-войне для меня открыло мою Россию. Может быть, презорство, но, кажется, теперь я начинаю понимать – зачем Донбасс России, почему он нам необходим.

²⁷ Дворцов Василий Владимирович, член СП России, прозаик, поэт, публицист, драматург, художник. заместитель ответственного секретаря Правления Союза писателей России по связям с творческими объединениями, председатель Совета по прозе Союза писателей России.

* * *

Вновь «Дневник писателя» Достоевского, вновь апрель 1877 года: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь „братьев-славян“, измученных турками, поднимаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте...»

Не сразу, но всё же Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил РФ стало включать членов Союза писателей России, вместе с артистами и лекторами общества «Знание», в свои «агитбригады», выезжающие в госпитали, военные институты, военные городки и расположения тыловых частей – про передовую без страховки нельзя и думать. В этих поездках наши литераторы въявь, порой даже тактильно, познают безмерность солдатских жертв, ежедневно приносимых на «нам нужной войне». С занозящими сердце картинами безногих и безруких молодых, красивых, ненажившихся колясочников. И тут же рядом нетерпеливо ждущих повторных операций, после которых можно будет вернуться в строй – в окопы и блиндажи к точно таким же молодым, но ещё не познавшим госпитальное отчаяние радистам, лётчикам, танкистам и сапёрам, ещё уверенным в себе, в своём воинском мастерстве и мощи вверенного оружия. И спасибо Министерству обороны за этот опыт сострадания и восхищения, опыт, который трезвит и возвращает писателей – особенно поэтов, к ответственности за свои, порой излишне красивые слова – да, да! искренне высокие слова о действительно высоком.

Проблема в том, что начало СВО вызвало буквально навал патриотической поэзии. С первых дней Операции стихи «на тему» стали писать все и повсюду – кто знал, что такое армия, и даже обладал боевым опытом, и кто не имел ни малейшего представления об Уставе караульной службы и верил киногогероям. Я не говорю о качестве стихосложения – мастерство или любительство «тема» не губит и не исправляет, и мы знаем немало прекрасных строк, написанных «к дате», но, как правило, если эти строки всё же опирались на личный опыт боли или счастья сердца поэта, на картины из его памяти, а не на лишь пересказанное ему другими. Потому-то мы сегодня с особой надеждой вчитываемся и вслушиваемся в творчество, доносимое с передовой: там, в окопах, у поэтов действительная полнота речительства за написанное и произнесённое. А стилистику подтянем.

Ведь сколько точно таких же восторженных стихотворцев, которым «Рок рукой суровой Приподнял завесу времён», в 1914-м площадно и салонно гроыхало столь же патриотически-кимвально за Веру, Царя и Отечество, но через год-другой устало ждать скорых окончательных побед, устало терпеть сужение благ, сникло и стихло, вновь вдохновляясь как «В лепестке лазурево-лилейном Мир чудесен». И лишь кому «святой Георгий тронул дважды» мы до сих пор верим, что «воистину светло и свято Дело величавое войны».

Опыт соприкосновения с болью и героизмом, войдя в сердце, держит, не отпускает. Не отпускает доверчиво торопливое, полужёпотное уверение худющего, с черняками как у панды вокруг глаз, парнишки в великоватой больничной пижаме, с досадой поднимающего тяжело загипсованную руку: на днях из Донецка переводят в Питер, где врачи обещали последнюю операцию, и можно будет вернуться «к себе в разведку» – «ведь мы Изюм брали, его же опять брать придётся». Не отпускает и, слава Богу, не отпустит, пока не напишу о нём, об этой его доверчивости.

Молдавия, Абхазия, Чечня, Южная Осетия, Донбасс. Вы знаете, что их объединяет? – плотный, тесный звон цикад и сверчков. У нас в Сибири такого струнного изобилия и близко нет, в самый жаркий июль у нас разве только жидкое нытьё комариков. Но нет в Сибири и канонады. Цикады и пушки – против комаров и трёхсот лет мира.

А ещё в этих местах постоянно стараешься избегать материнских глаз. Здесь нестерпимо выдерживать женские взгляды: сколько бы лет твоей собеседнице не было – двадцать, сорок, восемьдесят – глаза матерей прожигают насквозь – почему ты не защитил, нет, не её, её детей? Почему ты, такой здоровый мужик, не защитил? Глаза женщин «горячих точек» как глаза у Богородицы на иконе «Умягчение злых сердец». Наверное, это и есть глаза войны.

* * *

А недавно мне выпало узнать войну совершенно с нового, с неожиданного для себя ракурса («выпало» как компромисс между «повезло» и «досталось»). Я увидел врагов – вплотную, с касанием рукавами, я разговаривал с врагами, всматривался, вслушивался в них, ловил излучения. Молодые и пожившие, офицеры и мобилизованные, бобыли и многодетные отцы... И все враги. Однозначно враги. Параллельно я вслушивался и в себя, разбирался с собой, пытаюсь понять – почему они враги? Почему они враги не мне, а мои?..

Благодаря договору о сотрудничестве, заключённому меж Союзом писателей России и Следственным комитетом России, а точнее – дружеской настойчивости председателя московского РОО «Союз ветеранов следствия», легендарного детектива и писателя Вадима Владимировича Соловьёва, я стал свидетелем работы следователей, криминалистов и экспертов Луганского военно-следственного управления СК России. Видел, что такое задержание, обыски и допросы диверсанта, присутствовал на следственном эксперименте, на котором ВСУшник показывал, как расстреливал «гражданских», присутствовал при эксгумации тел мирных жителей, прихороненных под нацистскими обстрелами во городских дворах и сельских огородах. Познакомился с работой экспертов по радиоэлектронике, генетике, психологии – в том числе с тестированием убийцы на полиграфе. Мне, меж судебных заседаний, даже позволяли побеседовать «по душам» с военными преступниками. Вместе со следственно-криминалистской группой я из Луганска выезжал в Мариуполь, Северодонецк, в Меловую, с рассвета до заката трясясь по разбитым дорогам через знаковые для нашего времени Новоайдар, Макеевку, Дебальцево, Донецк, Горловку, Купянск, Волноваху. Я даже начал различать профессии следователя и криминалиста, и познакомился с местными луганскими операми, девятый год то ненадолго снимающими армейский бронежилет, то вновь навешивающих поверх разгрузки «калаш», для которых «передок» и тыл давно неразличимы.

Диверсант из Мелового

Меловое – символ сегодняшней Новороссии: Меловое-Мілове – украинская половина большого посёлка, другая половина, через улицу Дружбы народов – русская заграница Чертково. Так сто лет местные и жили этой границей, жили от границы. Говорили по-русски, думали по-украински. Или наоборот. Но ни до Киева, ни до Москвы интересы меловских-чертковских равно не распространялись. Пока Луганская область не стала Луганской республикой. Тогда в ноябре 2014-го меловской погранотряд незалежной отбился от «сепаратистов», и местный отдел МВД переделся в мундиры Национальной полиции. Ещё через три года прямо по Дружбе народов разнесли забор из колючей проволоки, проезды перекрыли, и все опять стали жить от границы, даже в чём-то лучше прежнего. До самого 24 февраля 2022-го.

Однако наш разговор сегодня не о контрабандистах. Хотя недовольство лишённых суетного, но уже привычного приработка мужиков, хранящих в глубине шифоньеров «про всякий выпадок» жовто-блакитный прапор, а то и мундир с медалями, объяснимо. Объяснима и недоверчивость женщин к пришедшим русским, которыми пугали десятки лет, плюс родственные разрывы (мало ли братьев и племяншей воюет с той стороны?), плюс всеобщая безработица с мутными перспективами застрявших в южной распутице фронтов.

Выезд из Луганска в семь утра. Микроавтобус Следственного комитета, подгоняемый броневиком СОБРа, притормаживал на блокпостах, и меня опять и опять пробирала особая, сквозная теплота наскоро приветствующих друг друга вооружённых людей, незнакомых, но так доверчиво радующихся друг другу: «свои». Такое возможно лишь на войне.

Нас, СОБР, чуть раньше подъехавших луганских следаков и минёров встречали местные оперуполномоченные. Предстояло два задержания по подозрению в шпионской деятельности, а возможно, и причастности к попытке подрыва автомобиля районного прокурора. Это бывший меловской опер, затем прокурор, а ныне хозяин магазинчика стройматериалов, и безработный отставной пограничник. Вызывают адвокатов, подвозят понятых. Время идёт, местные нервничают: подозреваемые могут куда-нибудь скрыться, тем более, что утаить в посёлке такое собрание силовиков нереально. Я не хочу присутствовать на обыске в квартире с детьми, и еду с группой, работающей по бобылю-пограничнику.

Какой-то сдвухшийся, обезволено мягкий сорокалетний мешок в бабской, хоть и чёрной, вязаной шапке никак не вязался с киношным представлением о шпионе. «Ждун» – да, это точно. При обыске замызганной, бедной двухкомнатной квартирki ничего, кроме украинского флага, не нашли. Бывший пограничник то полушёпотно бормотал, то подвизгивал, глупо путался в ответах на самые простые вопросы. Не мог объяснить множество паспортов от якобы пропавших телефонов, купленных якобы «для первой и другой жены». Которые сейчас на Украине. Сосед-понятой, слушая про жён, только хмыкал, на мой вопрошающий взгляд прикашлянул:

– Да какие жёны? Он женщин не любит. Он любит не женщин.

Обыски у опытного лиса-прокурора, конечно же, вообще ничего не дали: тот профессионально знал – где и как ищут незаконное.

Бывший пограничник вдруг присел на пол, натянул шапку до кончика носа и впал в оцепенение. Пока дописывался протокол, во дворе проходило бурное совещание по методам дальнейшего дознания. То, что подозреваемый вот-вот начнёт давать признательные, это объяснять никому не требовалось, и меловские просили не забирать его в Луганск, оставить у них в отделении. Служащие Следственного комитета пребывали в обоснованных сомнениях: местные все с боевым опытом, поэтому взаимоотношения у них с преступниками «военные», а тем более, перед ними не какой-то жулик, а полноценный враг. Как бы им самим не оказаться «фигурантами». Сошлись на том, что «колоть» будут местные, но в моём присутствии.

На обратном пути меня поздравляли – стать свидетелем такой удачи: не каждый день шпионов берут. А как на него вышли? Вздых:

– Мы же командированные. Поэтому во всём зависим от местных.

Развернуть свою сеть осведомителей ни за три, ни за шесть месяцев невозможно. Да и за год не получится: недоверие к приезжим, особенно у сельских жителей, везде одинаково. И отношение к федералам везде обезличенное: либо сразу выходят на контакт, по принципу «мы же русские», либо... сливают информацию врагу. Просто звонок родне: «когда и куда танки, куда вертолёты».

Мои соловьёвско-никоновские представления о том, что ненависть к России прямо связана с продвижением от востока к западу, рассыпаются с каждой выездом, с каждым общением. Не знаю, как на Карпатах, но и здесь, на луганщине, как просто пассивных «ждунов», так и активных вэсэушных наводчиков пруд пруди. Почему столь многие нам не рады? Ведь совершенно русские люди – и внешне, и по языку. Большинство с общим советским прошлым: что эта граница по улице Дружбы народов?.. Год назад, когда все верили в скорую победу над нацистами, здесь кто-то русским радовался искренне, кто-то улыбался из страха. Теперь неискренни все. Повторюсь, можно попытаться местных понять: русскими пугали десятки лет, родственники воюют с той стороны, безработица, застрявшие фронты. Вообще затянувшаяся война для мирного населения всегда и везде кошмар – война ужимает время жизни: прошлое, даже недавнее, неважно, а будущее... его нет. Выжить до рассвета, что-то поесть-попить до темна, и всё, больше ничего нет, ничего не нужно – так нормальный мирный человек долго не тянет. Становится ненормальным. Военным.

Понять местных можно, а вот принять не получается. До сих пор несу в себе ожоги от ненавидящих взоров подростков: мы агрессоры, похитившие у них Европу. Чарівну Європу, казкову, бажану. На конфетку такие не разменяются, за путёвку на Чёрном море не изменятся. Это же какого труда потребует переформатирование их сознания, сколько любви и терпения нужно для изменения сложившихся до рефлексии чувств... А что наши? В Брянске, в Ростове, Челябинске, Красноярске?.. Сколько своих молодых россиян, верящих, что у них тоже отняли свободомыслие, ущемили либерализм, лишили той же Европы? Почти сорок лет для поколений СССР и РФ показывали солнце только на Западе. А что тут? В «Раше»? – глумливые мультики и бандитские фильмы, разлагающие книги и песни – святоотеческая богословская традиция среди других форм одержимости различает «чужебесие»: «любление всего чужого, с презрением отеческого». Ненависть к своей Родине – врождённый болезненный комплекс, особое психическое уродство, как сексопатология, и не поддаётся исправлению. Но вопрос: почему почти сорок лет только такие режиссёры допускались до постановок и съёмок, только таким певцам открывали сцены и клубы, почему только беснующихся писателей тиражировали и пиарили с кафедр? А теперь не только бывших украинских подростков, но и наших нужно как-то денацифицировать или ... как сказать? Короче, возвращать в себя.

Снова выезд в Меловое. Теперь праздник у криминалистов: подозреваемый признался не только в шпионской, но и в диверсионной деятельности. Необходим сбор доказательств экспертами – опять обыск, но теперь в съёмном частном доме, где действительно припрятан и тротил с биоследами, и подлежащие «вскрытию» телефоны. Найдена и униформа, и атрибутика СБУ. И заброшенный в придорожную траву дистанционный взрыватель никто не подобрал.

Глава меловской администрации хорошо охраняется, поэтому мину кураторы приказали закрепить под автомобилем прокурора. Всё шло по плану, оставалось дожидаться хозяина. В это время к прокурорским подъехали коллеги из луганского следственного отдела, так что теракт мог бы получиться не просто кровавым, но и информационно шумным. Но! «Среди нас кто-то молитвенник!» – взрыватель не сработал. Бывший пограничник обошёл заполненную людьми парковку и вторично нажал кнопку. Опять тишина.

Посмотреть на своего несостоявшегося убийцу подъехали те, кто толпился тогда возле заминированной машины. Подходили, смотрели молча, отходили. Вопрос задала адвокат:

– Зачем? Не за пятьдесят же тысяч гривен?

Пограничник, наадренированный всеобщим вниманием, сегодня преобразился и, расправив грудь, глядит прямо в видеокамеру:

– А хотел доказать себе...

«доказать себе»... вот же тварь дрожащая...

Пикник на чистом озере

«Следователь по особо важным делам 3 военного следственного отдела 12 военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации майор в действиях неустановленных военнослужащих националистического формирования „Правый сектор“ (запрещённая в России террористическая организация), совершённых вопреки Женевской конвенции от 12.08.1949, а также Дополнительного протокола 1 от 08.06.1977, имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, предусмотренного частью 1 статьи 356 УК РФ, руководствуясь частью 3 статьи 2, частью 1.1 статьи 3, статьями 38, 140, 145, 146, 151, 152, частью 1 статьи 156 УПК РФ ... ПОСТАНОВИЛ возбудить уголовное дело...»

Пятого июня 2022 года четверо молодых людей и девушка выехали на велосипедах на озеро Чистое под Северодонецком. Покупаться, попить пива у костерка – обычный отдых обычных людей. Но необычно время и место – с середины мая шли тяжелейшие уличные бои в Северодонецке и Лисичанске, при поддержке артиллерии и РСЗО штурмовались дома, контратаковались, переходя из рук в руки, – разрушения достигли порядка девяноста процентов зданий, а до полного освобождения городов оставалось ещё около трёх недель.

Четверо молодых людей и девушка выехали на велосипедах на озеро Чистое покупать, попить пива...

Выбрав удобное для пикника место, отдыхающие разделились – Александр Трясин и Егор Лебедев отправились в лесок на противоположном берегу, скорее всего, за хворостом. Через какое-то время оставшиеся заволновались, не слыша откликов на призывы. Объехали вокруг озера, осмотрев лесопосадку, прождали ещё два с половиной часа – ушедшие не возвращались. В полукилометре от озера на трассе располагался украинский блокпост, службу на котором несли бойцы добровольческого военизированного формирования «Правый сектор» (запрещённая в России террористическая организация), и, чтобы не попасть под комендантский час, неудачливые «отдыхающие» поспешили по домам, прихватив велосипеды Трясина и Лебедева. Заявление о пропаже сына в местное отделение МВД Лебедева подала только после установления власти Луганской Народной Республики. Конечно, всё это время исчезнувших искали родные – у Лебедева были родители и младший брат, у Трясина, кроме матери, сестра. Расспросы, расспросы с тающей надеждой... Что могли, узнавали соседи, друзья: молодых людей, которые не хотели воевать, могли насильно отправить на рытьё окопов или разбор руин. И, кажется, их кто-то видел в Рубежном...

«Рапорт. 09.12.2022. В соответствии со ст. 143 УПК РФ докладываю о том, что около 15 часов 00 минут 03 декабря 2022 года итальянский корреспондент Андреа Лучиди на своём телеграм-канале „Anrea Lucidi – Canalr official video“ опубликовал видеоролик общей продолжительностью 38 секунд о фактах жестокого обращения к мирному населению со стороны неустановленных военнослужащих националистического формирования „Правый сектор“ (запрещённая в России террористическая организация). ... журналист обнаружил в топливных резервуарах два трупа местных жителей со следами насильственной смерти. Таким образом в действиях неустановленных военнослужащих националистического формирования „Правый сектор“ усматриваю признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 356 УК РФ, в связи с чем по данному факту необходимо провести проверку в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ».

«Сотрудниками МВД ЛНР проведены ... в результате установлены личности: 1. Лебедев Егор Юрьевич, 05.08.1999 г.р., ...2. Трясин Александр Геннадьевич, 08.05.1989 г.р., ...». Убиты выстрелами в головы. Руки и ноги погибших перекручены скотчем, также скотчем были залеплены рты – «фирменный» стиль «правосеков».

«Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ предупреждён, Свидетель (подпись). ...Мне также разъяснено, что в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации я не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определён п. 4 ст. 5 УПК РФ. Свидетель (подпись)».

Перебирая документы «дела», из республиканского переквалифицированного в международное, перечитывая протоколы, рапорты, показания, рассматривая фотографии разбитой бензоколонки с нацистской символикой, этапов эксгумации и экспертизы, всё больше клинюсь на том, как в одном из свидетельских показаний подчёркивалось – с украинскими военнослужащими ни у кого никогда конфликтов не было. Да, Александр Трясин мог иногда вспылить, высказать по поводу затянувшейся войны что-то резкое, но воевать ни за одну из сторон не собирался.

Вообще это не поддаётся никакому пониманию: как можно во время страшных, кровопролитных боёв, в ходе которых почти все здания в твоём родном городе получают разной степени разрушения, когда всюду бушуют пожары, гремит сплошная канонада, и – парни на велосипедах поехали к озеру, пива попить... Может, всё-таки, это было нечто иное, не пикник? Но тогда почему бы не признаться через полгода, когда ЛНР уже доказала свою власть?

Или ещё не доказала?

Не поддаётся пониманию отсюда – из Москвы, из Рязани, Санкт-Петербурга, Уфы, Петрозаводска, из Тюмени или Хабаровска. Но в зоне девяти лет боевых действий своя опытная логика выживания, свои причины и следствия поступков, свои мотивации поведения. Там, где фронт, разбрасывающий смерти и увечья не только солдатам, но детям и женщинам, то запорно стоит, то неожиданно сдвигается и вновь топчется, перерывая окопами и воронками не землю, а народ, раздирая семьи, разводя друзей, разлучая поколения, там прежде иного погибает доверие. И сколько же потребуется терпения, сколько сильной, всепрощающей жертвенности для возрождения этого доверия, для доказательства власти пришедших на Донбасс Уголовного кодекса и Конституции Российской Федерации. Тех же лет восемь-девять? Увидим.

И второе: отношение к местным, кто не желает воевать, отношение наше и наших противников. «Ждун» – словечко от нынешней войны. Ёмкое, липкое, уничижительное. Ждунов презирают и подозревают по обе стороны, но для нас невозможно даже представить, чтобы презрение стало причиной, тем более поводом к убийствам, насилию, пыткам и грабежам. А для украинских вооружённых сил такое ужасающее отношение к «гражданским», просто ждущих, чья возьмёт, скажем так – явление достаточно распространённое. Приписать все зафиксированные МВД, СК и прокуратурой случаи утрат и убийств только психопатам и наркомаманам в погонах и при оружии не получается: явно видна программная пропагандистская работа, формирующая общее для украинских военнослужащих отношение нетерпимости ко всем, кто не живёт зоологической русофобией. Особой жестокостью к «ждунам» отличаются растворившиеся в армии Украины добровольческие батальоны и бригады нацистов – запрещённые в России «Азов», «Кара-Даг», «Красная калина», «Ярость», «Торнадо» и «Луганск-1», а также отказавшиеся от вхождения в СВУ и МВД военизированные формирования политических радикалов «Правого сектора», также запрещённого в РФ. Постоянные находки мест одиночных и массовых захоронений, обнаружение подпольных тюрем с камерами пыток на освобождённых территориях всё яснее вырисовывают образ inferнального заказчика современного восточнославянского геноцида. И если с дебиловатых язычников-нацистов спроса нет, то как в «эскадроны смерти» вписалось созданное революционными идеалами самодостаточно-свободной, социально справедливой, культурно и экономически процветающей Украины политическое движение «Правый сектор» (запрещённая в России террористическая организация)? Как идеалисты-романтики, сторонники здорового образа жизни, почитатели Скрябина и Пиккардийской терции, толерантные православные и католики, протестанты и буддисты, едино-

мышленные украинцы и евреи, поляки и русские, стали изошрёнными палачами собственного народа? Хотя не теми же ли лозунгами восстания против коррупции и угнетения коренного населения надувались у нас в России лимоновские нацболы и немцовые навальнята? Только у наших не было исторической бандеровской опоры с альфредо-розенберговским и брюсоджексоновским наставничеством. А потому их сегодня и самих нет.

Виновата судьба

Согласно остросюжетным сериалам, интеллектуал-диверсант-рукопашник из «убойного отдела» получает жалование сразу по трём ведомостям: как следователь, как криминалист, ну, и заодно, собровец. В реальности эти профессии настолько переполнены научно-методическими и технико-практическими особенностями, что совмещать их под силу, пожалуй, только Гаю Юлию Цезарю.

Из вышеперечисленных самая малоэффективная для киношников техническая специальность – криминалист на самом деле является ключевой в разработке уголовных дел. Это криминалисты первыми прибывают на место преступления, проводят осмотр, собирают улики. Это на них фотографии деталей и следов, сбор отпечатков пальцев, частиц крови, образцов ДНК, описание найденных вещей, которые могут стать уликами, – всё это идёт в протокол. И лишь после лабораторных исследований собранного материала наступает время создания гипотез – УПК, ч. 2, ст. 140: «Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления». А вот отработка гипотез после возбуждения уголовного дела с анализом улик, опросами свидетелей и допросами подозреваемых, логическое доведение дела до суда с соблюдением всех правовых норм – собственно следовательское.

Это всё к чему? Для членов Ветеранского совета Следственного комитета, благодаря которым я сам совсем недавно научился различать специальности и управления, это небрежение журналистов-писателей-режиссёров при освящении-описании-изображении их – нет, не работы, не службы, их судьбы! – тема болезненная. И организовав поездку «за ленточку», ветераны СК просили: при всяком возможном случае нести грамотность в массы.

А ещё для нас, писателей – искателей истины не конкретной, а обобщающей, методы психологического воздействия, приёмы подавления или установления доверительных отношений, применяемые следователями, даже пугающий всех полиграф, не дадут полноты картины раскрытия личности без опытного переживания той энергетической борьбы, без испытания чувственной реальности тонкого аурного столкновения, каковое даёт «беседа по душам» с врагом. Искал синонимы, но оставил – с врагом. Максимально возможной доверительной беседы с человекоубийцей без привязки к тому, что уже не изменишь, не искупишь никакими десятилетиями страданий. Благодарю за возможность этого переживания.

Первый обвиняемый, 1970 года рождения, командир отделения. Сухой, остролицый, обширная лысина в обрамлении серой седины. Сын советского офицера, послужившего в ГДР, в Средней Азии, в Центральной России – хорошее образование, идеальный русский язык. Отец трёх дочерей – старшая художница, интернет-дизайнер. Младшая в этом году заканчивает школу. Семья жила и в провинции, и в Киеве. Первый боится, боится за себя уже месяцы, хотя даже находясь под следствием, продолжает надеяться на обмен. Но про страх и надежду мне после беседы добавит-подскажет следователь, а пока подсудимый держится с вежливым достоинством – мол, ему себя винить не в чем. Он же не нацик, а обычный военнослужащий, и то, что он сейчас здесь, – просто судьба.

Дежурная версия – понадобились деньги на операцию жене, пришлось пойти контрабандником. Да, в АТО участвовал, с луганскими воевал ещё несколько лет назад. Но я обхожу собственно войну, её причины и мотивации, ибо будет лгать – за проведённые в СИЗО полгода Первый научился отвечать заготовками из камеры. Он и попытался пару раз запустить шарманку об армейской дисциплине с приказами, которые нужно исполнять, об обороне Родины, которая была не готова. Не готова? Восемь лет строительства мощнейших укрепрайонов с переструктурированием ВСУ под НАТОвский стандарт? – сын офицера на иронию сына офицера смущается. Возвращаю к детству в военных городках, о выборе дочками профессий –

разбираем тонкости в обучении при специализации на чистых живописцев и прикладников. В какой-то момент мы даже начинаем аккуратно спорить, почти на равных, с переходом на политику, на будущее Украины и Европы. Но вдруг он ловит себя на расслабленности и пугается, решая, что попал под фээсбешную вербовку. И далее опять замкнуто слушает, сухо отвечает, контролируя реакции, хотя заметно вздрагивает, включившись в ежедневную цену «двухсо-тymi» за нужную кому-то и ненужную ему незалежность.

Первому себя винить не в чем. Просто судьба: когда старуха – хозяйка квартиры – в сердцах вскрикнула «Да когда всё кончится?! Когда вы все уберётесь отсюда?!» – и он – не наик, обычный военнoслужаший – он просто выдернул чеку и катнул в её комнату гранату. Она выжила, опознала его среди пленных, воевавших в её районе, и вот, дали пятнадцать лет. А не выжила бы – был бы ещё один «висяк». Судьба.

Второй, 35 лет, капитан нацгвардии. Безотцовщина, воспитала мать, служащая банка. Никаких воспоминаний о советском общем, все представления о новейшей истории из украинских учебников, идейный пан-европеец. Рослый, плотный, явно спортсмен, с детства заточен на риск, на «героям слава». По подсказке следователя знаю: Второй воевал с азартом, был корректировщиком – проникал в тыл к новороссам, затем к русским, наводил удары по заданным или обнаруженным уже им самим «целям». Разговор сразу же расщепился на вербальный и визуально-контактный. Экспрессия злых глаз против словесной пустоты, продуманной пустоты – ведь, если по-честному, не для протокольной видеозаписи, то Второму тоже себя винить не в чем: он искренний защитник своей Родины, на которую напали дикари-агрессоры. Это его личная война.

Слушаю чётко контролируемые слова, смотрю на не выходящую на мажорность, и от этого ещё более наглую надменность глаз, и понимаю, что завожусь сам: а скольких друзей он потерял в этот год? – «двадцать восемь». И что, себя каким видел? Двадцать девятым? Тридцать первым? Круг-то сжимается. Или он мнит себя бессмертным?.. Ответная ледяная молния – это его война.

Нет, со Вторым «по душам» не получается. И не надо. Не надо: дважды из РПО «Шмель» выстрелить в гражданскую легковушку – и со второго точного попадания заживо сжечь семью с двумя детьми! «Героям слава»? И, главное, опять та же картина: винить себя не в чем – он же защитник Родины, на которую напали.

И всё-таки самовлюблённый Второй тоже дёргается: может быть, его будущая судьба каким-то образом зависит от нашего разговора? Кто я? По-любому, сам-то он военнопленный и, согласно международным договорённостям, вправе надеяться на обмен. И вдруг в этой «беседе» он повёл себя как-то неправильно – а ему нужен этот обмен. Нужен, чтобы продолжить свою войну.

Совершивший убийство беззащитного, убийство без каких-либо принуждающих к тому обстоятельств, просто потому что мог и умел – должен сходить с ума. Муки совести заложены в нашу человеческую природу. И подтверждены воспитанием нравственных убеждений, традиционной общественной моралью. Нормальный человек не может простить себя за убийство другого нормального человека. Или он не человек. Вы вспомните про раскаяние? Да, в «последнем слове» обвиняемых оно дежурно обязательно. Однако истинное покаяние – религиозно объясняемое изменение сознания, изменение страданием, но страданием внутренне волевым, самоналоженным, если хотите – страданием желанным. Поэтому во всех религиозных традициях покаяние связано с жертвоприношением, символизирующим эту добровольность. Покаяние – искупление – преображение. Иначе – безумие. При всех религиозных и атеистических мировоззренческих расхождениях, от античной трагиков до «чего изволите» постмодерна, пожалуй, глубже и тоньше эту тему изменения сознания проработал наш гений Достоевский, так как у Фёдора Михайловича она пережита лично, и пропущенные через себя механизмы преображения – четыре года кандалов при чтении одного только Евангелия – дока-

зательно объясняют возможность преобразования либерал-революционера в монархиста-консерватора.

Человек, убивший невинного, должен сойти с ума. Но сознание преступника сопротивляется своей ломке, прячется от совести, ищет, ищет и находит отнорки самооправданию. Находит в обвинении всех и всего вокруг себя: в обстоятельствах, дисциплинарной подчинённости, а главное, в обвинении самих пострадавших – не в то время, не в том месте. Виновата судьба. Стрелявшие в свой народ будут винить в своих преступлениях народ, воевавшие против России будут всегда винить Россию. И потому дежурное под камеру «в содеянном раскаиваюсь» только гарантирует продолжение этой войны.

Пирожок подозреваемому

Мариуполь выкуплен Россией из неонацистского плена ценой невероятной. И потому всё, что связано с ним сегодня в официальных и частных новостях, зачастую воспринимается с ревностью: а стоило ли оно того? Строительство многоэтажек, транспорт, водопровод, поликлиники, библиотеки – ревность не к затратам, они, в сравнении с военными, вменяемы, а к реакции мариупольцев – понимают ли они, из чего их высвободили такой ценой? Действительно ли благодарны за освобождение, или их энтузиазм примитивно привязан к этим самым новеньким многоэтажкам и поликлиникам? Понимают ли местные, пережившие ад городских боёв, что они получают от пришедших русских? Или же они сами русские, настоящие, истинные – осознанно и выстраданно русские, гораздо более русские, чем те, кто, слава Богу, не познал, что такое жажда, голод и холод под минами и снарядами, кто не хоронил умерших на их руках родных и близких во дворах и на детских площадках? Нехорошая ревность старшего неблудного брата.

В Мариуполь из Луганска рабочая группа из следователя, криминалиста, трёх экспертов Военного следственного управления и прикомандированного крымского адвоката выдвинулась в шесть утра. Фордовский синий микроавтобус тянул напряжисто ровно, сотню с лишком держал легко, ловко обходя следы давних и свежих прилётов. Дорога неблизкая, и опытные службисты додрёмывали спинами к кабине – так не падаешь при резком торможении, мы же с адвокатом впитывали прокручивающиеся заоконные пейзажи, отмечая блокпосты на зачётных въездах-выездах Новоайдара, Макеевки, Дебальцево, Донецка, Горловки, Купянска, Волновахи. Цель выезда – следственный эксперимент, подтверждающий показания пошедшего на признательные показания военнопленного – убийцы мирных жителей. В «багажном отделении» микроавтобуса на самодельных полках всё необходимое – от металлоискателя до квадрокоптера. Лопатки, химприборы, макеты тел и оружия. Как выяснилось позже – даже бронжилеты и автоматы.

Дорога действительно получилась долгой, в конце концов и мы с адвокатом стали терять интерес к мелькавшим за окнами хатам и бронетехнике. Наконец-то прибыли – главный въезд на территорию металлургического комбината имени Ильича. Бывшего металлургического комбината. Здесь встретились-объединились с группой сопровождения подозреваемого ФСИН из Донецкого лагеря военнопленных и начали переговоры с дежурными охраны комбината из многославного отряда «Ахмат». Сверяли документы, уточняли состав допущенных и маршруты следования на закрытой территории. С маршрутом получалась проблема, ибо он зависел от памяти подозреваемого: где год назад дислоцировалась его рота, из расположения которой солдаты выступали на охрану периметра комбината.

Петляем по заводской территории в сопровождении охранников-чеченцев.

Кстати, нужно отметить – в качестве военной полиции чеченцы в зоне некавказской войны идеальны: они не вступают в сложности местной гражданской междоусобицы, когда непонятно, где брат, где сват, и кто в каких родственных или дружественных отношениях с детского сада. Дисциплинированные, равно ко всем недоверчивые – как полиция они совершенно на своём месте.

Километровые кварталы бетонных остовов избитых ракетами и снарядами цехов смежаются сложнейшими переплетениями разноразмерных ржавеющих труб. Полноценные многорельсовые железнодорожные узлы с застывшими составами цистерн и грузовых вагонов на фоне усечённых пирамид плавильных печей. Есть даже внутренние автобусные маршруты. Конечно, «Ильич» потрясает масштабами былых производственных мощностей – а что тогда пятикратно превышающий его «Азовсталь»? Ржавчина, сажа, бетонная пыль, тусклые рамные соты выбитых стёкл. То там, то здесь отжатые к обочине остовы натовской и эсэсэсэровской

бронетехники. И даже ярко-жёлтый, густо побитый автоматными и пулемётными очередями пассажирский автобус. Сколько же работы тут было для сапёров! Однако «улицы» уже расчищены от завалов, кое-где высятся строительные леса – комбинат подлежит восстановлению. А какая-то жизнь в нём и не прекращалась: стоит притормозить, как тут же из, казалось бы, глухой бетонной и железной мертвечины появляются кошки. Чёрные, рыжие, они выпрашивающе заглядывают в глаза, но разборчивы, так же в никуда исчезают, игнорируя предлагаемый крекер.

«Там был мостик, рядом медпункт» – мостиков над ж/д путями несколько, все похожи, но со второго круга всё же находим нужный. Обгорелый натовский броневик, по стене киоска «укропам за батю». Брошенные берцы, рваная армейская куртка, нарукавная синяя изолентовая повязка... В подвале под бывшей цеховой столовой – в штабе подразделения ВСУ – классика: столы, заваленные одноразовой посудой, пустыми банками и коробками, нары с гниющими матрасами и остатками одежды, по полу, меж пластика, бумаг и тряпья, множество использованных шприцов. И обязательный жовто-блакитный прапор. Теперь он трофей, а мне дарят сильно оцарапанную картонную иконку «Почаевскую» из разорённой поликлиники. Дома подреставрируют.

После фото- и видеофиксации показаний обвиняемого переезжаем с территории комбината в застройки частного сектора. Здесь он должен показать главное: откуда стрелял и как убивал мирных жителей.

Да, пользуясь моментом, местные делали вылазки на комбинат, мародёрствуя по силам. Но, с другой стороны, ведь не для преступного обогащения – а как и чем кормить детей во время войны? Нигде ведь ничем не заработаешь, и на гуманитарку не понадеешься – сколько-нибудь системная помощь возможна только при победе одной из сторон. Вот и свинчивали, обрезали, таскали на обмен спекулянтам всё, что помещалось в рюкзаки и сумки. Бывшие токари и электрики, маляры и лекальщики, литейщики и технологи.

Заметив группу из шести «мирных», двигавшихся в сторону комбината, подозреваемый сообщил по рации командиру, тот дал приказ «мочить». И подозреваемый, параллельным проулком бегом обогнав горе-воров, расстрелял в них весь боекомплект – четыре «магазина» – сто двадцать патронов! Двоих убил точно, остальные в темноте разбежались. Опять доложил, прося срочно поднести патроны.

Год назад, когда его привезли в Мариуполь, ему как раз исполнилось двадцать пять. Простоватый сельский парнишка, со школы взведённый пропагандой на неизбежную войну с «руснёй», после мобилизации прошёл курс молодого бойца, получил оружие и веру в безнаказанность. И вот – сто двадцать патронов в мирных жителей, для разгона которых хватило бы выстрела в воздух. Двоих убил точно. Подозреваемый, наученный лагерем военнопленных молчать, здесь на выезде возбудился, рассказывает и показывает всё в мельчайших подробностях, с каким-то даже доверием к нам. Криминалист и эксперты фотографируют, делают видеозаписи даже с квадрокоптера, ищут гильзы, следы от пуль. А я всё пытаюсь понять: эта неразвитая простота на самом деле позволяет не проваливаться в ужас содеянного? Ужас жить убийцей мирных, незащищённых, пусть по мелочи, от нужды приворачивающих. Жить убийцей... Что, совесть – крест только интеллигентности?

Последние протокольные формальности, уточнение показаний, подписание документов – следователь, адвокат и подозреваемый, сцепленный наручниками с конвоиром, сидят в микроавтобусе. Криминалист и эксперты свободны. Вокруг всё очень даже тихо, солнечно, ослабленно. По соседству спаренный магазин продуктов и стройматериалов, на высоком крыльце которого сходятся для обмена новостями неспешно пожилые женщины, спорят о соотношении цены-качества дети, к которому паркуют свои придавленные багажниками шушлайки деловитые мужички-ремонтники. Криминалист тоже заходит в продуктовый. Возвращается с большим жареным пирожком в прозрачном пакете. Молча протягивает неловко выбирающемуся

из микроавтобуса подозреваемому – да что там! – признавшемуся убийце. Тот так же молча принимает. Жадно кусает.

Если бы пирожок предлагал следователь, можно было бы заподозрить профессиональную попытку «установления доверительных отношений». Но криминалист! – уже шесть лет как пенсионного возраста подполковник-новосибирец, здесь, в зоне СВО, продолжающий службу Родине. Здесь лишь человеческий порыв покормить голодного, пусть преступника. Невольно примеряю: а я на такое способен? Как всё непросто.

Белый платочек

Люблю предание о том, как, назначенный на пост главы новосозданных Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Корпуса жандармов, Александр Христофорович Бенкендорф по окончании первого своего доклада верноподданнически спросил: «Государь, а какими инструкциями, помимо служебного положения, я должен руководствоваться»? Подумав, Николай Павлович протянул ему белый носовой платок: «Вот твоя инструкция, чем более утрёшь им слёз несчастных, тем лучше исполнишь своё назначение».

Как бы хотелось увидеть в Военном следственном управлении республик Донбасса новый СМЕРШ! Одна только Аллея ангелов вызывает к этому. А ещё тысячи и тысячи открывающихся преступлений, садистских, зверских, запредельно страшных, совершённых и совершаемых служаками ВСУ и СБУ, нацистских батальонов и теробороны против мирного населения и наших военнопленных. Какие им восемнадцать или двадцать пять – только публичная казнь через повешенье! Хотелось бы. Но надо понимать, понимать, что кара – не то, ради чего работают следственные органы, главное в их службе – восстановление справедливости. Возвращение веры в справедливость.

Председатель Следственного комитета России Александр Иванович Бастрыкин: «С начала специальной военной операции в Украине мы активизировали работу нашей следственной группы на территории Донецкой и Луганской народных республик. К сожалению, зверства фашистов и националистов по своей жестокости не знают себе равных за всю историю человечества. Это какая-то страшная нацистская традиция даже не идеологического характера – получать удовольствие от тяжелых страданий и смерти мирных жителей».

О том, что перед нами, действительно, не идеология неких нравственных извращений, а откровенный сатанизм, мы уже говорили выше, и могу лишь повторить: пресечение такой «традиции» зла невозможно ответным злом. Да, расследование должно заканчиваться наказанием преступника. Да, никакого примирения с садистами, осквернителями святынь и обидчиками беззащитных. Но и понимание: с адскими тварями одними только человеческими силами, в пределах только человеческих законов, не справиться. Нужна помощь Божья, которая есть Любовь.

При обязательности юридического и направленно технического образования, при достаточной экспертной и информационной поддержке, при наличии опыта и удачи, в деле-службе-судьбе следователя главное – не понимание мотивов поведения участников произошедшего, не разгаданная логика запланированных и случайных событий, подтверждённая уликами и свидетельствами, главное – любовь, сочувствующая, сопереживающая любовь к пострадавшим и страдающим: «Чем более утрёшь им слёз несчастных, тем лучше исполнишь своё назначение».

Есть такая задача у служб Следственного комитета России – установление личностей погибших. Погибших сегодня, вчера, год-два назад, восемьдесят лет. На выезд для такого установления личностей эксгумируемых тел в Северодонецке и окрестностях с группой следователей, криминалистов и экспертов взяли и меня. Как всегда, раннее-раннее утро, тёмно-синий микроавтобус, в сопровождении «тигра» собровцев и «сапожка» сапёров, резковато виляя и подпрыгивая на прилётных выбоинах, пролетает мимо городков и сёл, притормаживая на блокпостах. К видам соседства руин и ухоженных усадебок привыкаешь нехорошо быстро, запомнились лишь недавно покуроченный украинцами мост через Северодонецк и несчастный посёлок «Счастье». Интересно, когда ему дали это столь обязующее название?

Запахи войны осколками врезаются в память, неизживаемо врастают в неё «инопородными телами», неожиданной резью вдруг связывая, казалось бы, столь разнесённое временем и пространствами. Узнаваемая кислятина остывшей крови, смешанная с кислотой сгоревшего пороха, дурная тошнотворность многодневного разложения плоти, почти «мирные» раздражи-

тели перекалённого металла и горячей резины. На Донбассе к запахам войны для меня добавилась тонко облепляющая всё и проникающая внутрь смрадность потревоженных захоронений. Эксгумация, экспертное подтверждение личности, перезахоронение на кладбищах. Человеческое, достойное упокоение жертв неонацизма – солдат, мирных жителей, военнопленных.

На въезде в город к нашему кортежу присоединяются микроавтобус «поисковиков» и тентованный грузовичок для перезахороняемых, оба под криво нарисованными значками «200». Первое тело ждёт нас в самом Северодонецке. С мая всё лето 2022 года здесь шли плотные бои, украинская ракета выкрошила-обрушила весь подъезд пятиэтажки сверху донизу, и прятавшиеся в подвалах соседи в перерывах меж обстрелами смогли лишь прикопать погибшего прямо под домом. У школьного забора. Сама школа тоже кругло пробита ракетой, да и вокруг её спортивной площадки выгоревшие руины панелек. Леденящая сердце панорама: угольный скелет крыши над школой с пустыми окнами, детские спортивные снаряды на фоне холодных зазубрин почерневшего бетона. И далёкие звуки канонады. Так как родственники погибшего не найдены, протокол эксгумации подписывает кто-то из местных чиновников.

Переезжаем в посёлок Синьковский. Берег Северодонецка, характерные для юга частные застройки без большого достатка – домики из самана или в полтора кирпича под шифером, усадьбочки на пару-тройку соток, кое-где редкие двухэтажные «коттеджи». Но повсюду в весенней напряженности скорого цветения – абрикосы, вишни, сливы, яблони, груши. Из-за разномастных, повитых виноградом заборов на прибывших собираются азартно лающие разновеликие собаки. Не получив одобрения хозяев, недовольно расходятся. Но некоторые возвращаются уже с миром – знакомиться. Канонада ближе, громче и злей.

Невысокая пожилая женщина в ярко-синем пуховике, с отросшими сплошной сединой некогда тёмнокрашенными волосами, суетится, наскоро объясняя подробности смерти и временного захоронения. Копальщики, облачившись в белые комбинезоны и скрыв лица за масками, кажутся ангелами, пришедшими забрать погибшего в рай. Тело сына было прикопано матерью в углу огорода, возле сарайчика. Так как неглубоко, вскрывают быстро, но доставать останки не спешат – фотофиксация, протокол.

Подходят соседи. Тихо комментируют и обмениваются новостями. Вслушиваюсь, стараясь из разрозненных, понятных лишь местным обрывков фраз выложить картину здесь произошедшего. Происходящего.

Мать, руки глубоко в карманах, молчит, не подходя к раскопу, но и не отрывая глаз от работающих в конце огорода. Как вдруг разговорился шофёр грузовичка «200»: он с женой ехали на своём «жигулёнке» на рынок, когда попали под мины. Жена погибла на месте, а его вывезли в больницу. Несколько месяцев в коме, медленное возвращение. И два года поиска женой могилы. Тогда-то и познакомился с поисковиками. Стал помогать чем мог, а теперь и вовсе перешёл к ним на службу. «Жену нашёл?» – «Да, всё слава Богу».

Лишь когда упакованное в чёрный мешок тело понесли к калитке, мы услышали тихий-тихий материнский шёпот, шип страшнее вопля: «Серёженьку все любили. Он был таким отзывчивым». Потом она выслушивала разъяснения, что перезахоронение на кладбище в гробу с надмогильным крестом для неё бесплатно, что документы получит на следующей неделе. А записку в церковь у неё возьмут сейчас. Наконец очнулась: «Бесплатно?» Всё, всё бесплатно, за счёт государства. Всё по-человечески.

Третье захоронение оказалось «пустышкой». Ну, не совсем пустышкой: в сосновом леске возле отбитого у ВСУ опорника осталась могила, как думали – погибшего здесь солдата. Переоборудовавшие под себя окопы и блиндажи великогородцы даже поправили её, когда она провалилась после зимы, – хоть и противник, но тоже воин. И вроде бы наши минёры осмотрели-прослушали-прокололи могилку, дав «добро» на вскрытие... но вместо тела там лежал фугас! Ржавчина подрабывала взрыватель, да и разбежались мы мгновенно, так что уже

через несколько минут лесок заполнился адреналиновыми хохотками. Оказывается, случается и такое.

К настоящему времени сотрудниками СКР установлены личности более двухсот погибших на Донбассе за эти девять лет, все найденные, и даже неопознанные, тела перезахоронены. По-человечески.

Татьяна де Вриз²⁸

Цветы нашей жизни

Мы встретились на одном из московских вокзалов. В психологии есть такой эффект «случайного попутчика», когда незнакомец выкладывает тебе, как на духу, то сокровенное, о чём, при иных обстоятельствах, предпочитает не упоминать. Я с интересом наблюдала, как ловко мужчина средних лет управляет с мальчиком детсадовского возраста, как общается с ним, словно с равным, и как спокойно ведет себя ребенок. Вдруг мальчик уронил игрушечную машинку, та отскочила к моим ногам, и я, конечно же, подняла её и вернула владельцу.

– К маме, наверное, едете? – Спросила я мужчину, чтобы скрасить беседой ожидание. Мужчина вздрогнул и удивлённо посмотрел на меня. – Простите, если некстати, просто хотелось поговорить. Вы так здорово общаетесь с сыном, нечасто такое встретишь.

Мы разговорились, плавно прошлись по последним новостям, политическим и экономическим, коснулись темы воспитания детей, и много чего еще. Я, улыбаясь, спросила:

– Вы, случайно, не журналистом работаете? Такая осведомленность.

– Нет, я обыкновенный айтишник. Просто жизнь у меня последние годы интересно складывалась.

И затем он рассказал мне эту историю.

«Два года назад по утрам из зеркала в прихожей на меня глядел невысокий, крепкий мужчина с довольно привлекательным лицом, если бы не постоянное выражение некоей усталости. Я, Алексей Ковалёв, пять дней в неделю проводил, сидя в удобном кресле своего кабинета. Менеджер среднего звена в крупной московской IT-компании, я управлял проектами, которые уже давно перестали меня волновать. Экраны, цифры, ежедневные согласования – новые достижения уже не радовали, а превратились в серую кашу будней, барахтаясь в которой, я выгорел как спичка. К своим сорока годам не женился, не обзавёлся детьми и гордился этим, как человек, избежавший ловушки. „Дети – цветы жизни, – улыбался в ответ на вопросы друзей, – только пусть они растут в чужом саду“.

Женщин я делил на две категории. „Курицы“ – средней внешности, с простыми мечтами о муже, детях и уютной квартире, были скучны и предсказуемы, как расписание электричек. „Стервы“ – красивые, умные, с холодным блеском в глазах и амбициями, которые могли бы сокрушить горы, – отпугивали. От них я держался подальше, зная, что такие сожгут тебя быстрее, чем любая работа. Я встречался с девушками, но как только разговор заходил о свадьбе – исчезал, оставляя за собой лёгкий шлейф дорогого одеколона и, порой, неисполненные обещания.

В общем, жизнь текла ровно, но пару лет назад что-то словно надломилось внутри. Я всё чаще засиживался в баре, вертя в руках стакан с виски, и размышлял: „А что же дальше?“ Старые друзья всё больше отдалялись, занятые своими семьями, а я оставался один в своей аккуратной, но бездушной квартире с минималистическим дизайном. Дорогуший ремонт, на который я угрохал три своих зарплаты, больше не радовал. Где-то далеко шли войны, вершились события мирового масштаба, но здесь, в моём персональном мирке, было тихо, спокойно – и невыразимо скучно.

Однажды вечером в одной из соцсетей я наткнулся на сообщение о смерти друга детства. Дима Соколов, Димыч, с которым мы когда-то гоняли мяч во дворе. Димка был из тех парней,

²⁸ Де Вриз Татьяна Александровна. Член СП России, прозаик, детский писатель.

кто относится к жизни легко: он смеялся громче всех, он любил позвать друзей в гости или на рыбалку, и никогда не говорил о серьёзном. Он погиб на спецоперации, и, узнав о его смерти, я почувствовал, как внутри что-то сжалось, словно тугая пружина. Ночью никак не мог заснуть, а на следующий день позвонил в военкомат.

Психологи назвали бы этот экспромт „выходом из зоны комфорта“. На фронте всё было иначе. Здесь не было времени на размышления, на сожаления. Зато были грязь, кровь, запах пороха и гул канонады, от которого звенело в ушах. Я, привыкший к своему стерильному офису, научился неплохо стрелять, ориентироваться по карте и не вздрагивать при каждом взрыве. Я видел разрушенные дома, лица товарищей, которые уже не вернутся, и глаза местных жителей, полные страха и усталости. Думал, что уже привык ко всему, а сердце моё зачерствело, как корка вчерашнего хлеба. Но однажды, входя в только что освобождённую деревню, я увидел на дороге, у края свежей воронки, тело молодой женщины. Её одежда была порвана, волосы спутаны, а руки раскинуты, словно она пыталась обнять землю. Мне и раньше приходилось видеть убитых гражданских – стариков, мужчин, даже детей. Я привык отводить взгляд и идти дальше, но в этот раз что-то остановило. Тихий, едва слышный звук, похожий на всхлипы, доносился из-под тела. Я подошёл ближе, и сердце неистово заколотилось. Женщина лежала, прикрывая собой что-то маленькое. Опускаюсь на колени, осторожно отодвигаю её холодную руку, и вижу – мальчик! Два, может, три года, не больше. Лицо чумазое, глазёнки огромные, полные слёз, но живые. Он был цел, мать успела закрыть его собой за секунду до взрыва. И тут я замер, что-то во мне треснуло, тот надлом, который был раньше. Как будто мир, который я знал, перевернулся с ног на голову. Всё, что раньше казалось важным – карьера, свобода, одиночество без обязательств – вдруг осыпалось с души, как разбитое стекло. И сразу стало как-то невыразимо легко. А этот маленький, дрожащий комочек жизни словно стал центром моей новой вселенной.

Я поднял мальчишку, прижал к груди, чувствуя, как тот дрожит. Мальчик уже не плакал, только смотрел на меня, словно пытался понять, кто этот чужой человек в пыльной форме. Подошёл я к ближайшему дому, и стучу в калитку так, будто от этого зависит моя жизнь. Наконец, дверь приоткрылась, и выглянула древняя старушка с лицом, похожим на смятый пергамент.

– Вы не знаете, чей это ребёнок? – спрашиваю.

Старушка посмотрела на мальчика, потом на тело женщины, лежащее у воронки.

– Это же сын Марины, – ответила мне тихо. – Она беженка была, жила с ним вдвоём. Родных у них тут нет.

Кивнул я ей, а говорить не в силах. Отнёс пацана санитарам, которые обещали отправить его в тыл, в безопасное место. Но, уходя, обернулся и вижу – мальчик тянет ручки ко мне, будто отпускать не хочет. И его взгляд – огромные, тёмные глаза на чумазом лице, – осколком в память врезался.

Прошло несколько дней. Я выполнял приказы, патрулировал, спал урывками, но мысли отчего-то постоянно возвращались к этому мальчику. Понимаете, я даже не знал его имени, не знал, где он теперь, но чувствовал, что должен найти его. Это было странное чувство – такая смесь вины, ответственности и чего-то ещё, чему я никак не могу подобрать названия. Я, который всю жизнь избегал привязанностей, теперь не мог думать ни о чём, кроме этого ребёнка. „Цветы жизни“, – вспомнил свою старую шутку, и она показалась мне странной.

Однажды ночью, сидя у костра, разговорились мы с сержантом, седым мужиком, выдавшим виды.

– Знаешь, – говорю ему, глядя на огонь, – я всегда думал, что дети – обуза. А теперь... не могу выкинуть из головы того пацана. Что с ним будет, как думаешь?

Сержант пожал плечами.

– Если не можешь забыть, значит, это твоё. Найди его, когда вернёшься. Усынови, если хочешь. Война чаще отбирает, но иногда и даёт.

Эти слова засели в голове. Усыновить. Я, который сбегал при намёке на свадьбу, который делил женщин на „куриц“ и „стерв“, теперь подумывал о том, как стать отцом. Знаете, представлял, как вернусь в Москву, найду этого мальчика и оформлю документы. Это было безумием, но впервые за долгое время у меня появилась цель.

Контракт подходил к концу. Скажу только, что я выжил там, где многие не смогли. А когда вернулся в Москву, город казался чужим. Моя квартира, мой офис, мои старые привычки – всё это было как одежда, которая больше не по размеру. И начал я искать того мальчика. Это оказалось непросто: приюты, бюрократия, бесконечные звонки. Но я же привык не сдаваться, да. Через несколько месяцев нашёл его в детском доме в пригороде. Мальчик, которого, оканчивается, звали Мишей, всё ещё смотрел на мир распахнутыми глазами, но теперь в них было чуть меньше страха и чуть больше тепла.

Сначала приходил к нему каждую неделю, приносил игрушки, книги, просто сидел рядом. Я учился быть отцом, шаг за шагом, как солдат, осваивающий новое оружие. И когда, наконец, подписал документы об усыновлении, я был по-настоящему счастлив.

Первое время было непросто. Мне пришлось уволиться из крупной ИТ-компании. О'кей, зато нашёл вакансию с возможностью работать из дома, чтобы больше времени проводить с сыном. Миша боялся громких звуков, плохо спал и часто плакал по ночам. Наверное, я был очень неуклюжим и неопытным, пока учился понимать его потребности. Учился любить – не на словах, а в действии. Я читал мальчику сказки, гулял с ним в парках, рассказывал о звёздах. И постепенно Миша оттаял, начал улыбаться, называть меня папой. А я понял, что настоящая жизнь – не в цифрах на экране, а в маленьких ладошках, которые крепко держат тебя за руку. И, знаете, я больше не боюсь привязанностей, не делю женщин на категории. Знаю, что впереди нас с сыном ждет много трудностей, но теперь у меня есть цель, ради которой стоит жить, дышать. И я готов на всё, чтобы защитить этот маленький росток новой жизни, который так неожиданно расцвел в моём пустом до этого сердце.

Иногда Миша спрашивает о маме, как без этого. И я дал себе слово, что, когда мальчик подрастёт, мы обязательно поедem в ту деревню, положим цветы на могилу Марины, которая отдала свою жизнь, чтобы спасти сына, и чтобы я, Алексей Ковалёв, получил шанс начать жить заново».

Игорь Тан²⁹

Дыхание ангела

1.

...Позади сорок суток командировки... Ночи и дни слились в пёструю ленту заморозков и оттепелей, уютных ночей у печи в теплом доме и сырых, промозглых ночёвок в двухместных «могилках» в лесополосе в компании с лежащими в причудливых позах мумиями... Мыши, птицы и собаки обглаживают головы погибших, отчего те приобретают злобное, адское выражение лица... Даже не лица, а того, что от него осталось... На руке одного застывшего парня – часы продолжают отсчитывать время, которое для него остановилось... Спешить уже некуда... Уже никуда не опоздать... Уже некого любить и ненавидеть... Уже все... Лишь покой и тишина... Картинка в стиле фильмов гениального Хичкока... Но раньше я смотрел его «страшилки» на диване под пиво с рыбой, а здесь к 3D-картинке дополнена ещё одна.

Реальность... Запах... Жуткий, невыносимый запах тления человеческих останков... Все им пропитано...

...Филя, старый воин... Младше меня года на три, но прошел с девяностых много горячих точек. Может на коленке из ничего сделать кулинарный шедевр... Всегда найдет где-то кастрюлю, надыбает соли-перца, того-сего и уже через полчаса шкварчит на огоньке похлёбка...

– Игореха! (Всегда по имени, а не позывной.) Идём жрать!!!

Его свердловский, непередаваемо уютный акцент всегда успокаивает меня... Будто ты ещё малыш и бабушка зовёт тебя обедать... Я иду... Отказаться невозможно: он расстроится так же, как это делала бабулька...

Через не могу вкидываю в себя немного горячего... Обнимаю Филю по-братски... Иду к себе... и через полчаса максимум меня корчит от спазмов тошноты... Организм не принимает в такой обстановке пищу, выгоняет её из всех щелей: рвота одновременно с поносом – это ещё тот аттракцион!!! Кофе... Это мой спасательный круг здесь... Лишь он способен перебить эту тошнотворную вонь... Кофе создаёт вокруг тебя непроницаемый кокон, в котором тебе сладко, тепло и уютно...

2.

... Выходя в серый промозглый рассвет под проливным дождем, потный, как лошадь после скачек, я резким движением загнал патрон в патронник своего РПК³⁰. Металлический звук щелкающего затвора успокоил меня... Я люблю своего «ЧЁТКОГО»... Люблю нежно, как женщину... Звук заходящего в ствол патрона словно поцелуй любимой на пороге... С самого начала «турпоездки» я просил прислать мне с базы РПК, оставленный там с прошлой командировки. Оказалось, что его подарили одному из уважаемых гостей из штаба дивизии... И мне пришлось двигаться со стареньким, кривеньким АК-47³¹ («весло») по прозвищу «ФОМА»...

²⁹ Лауб Игорь Альбертович (псевдоним Игорь Тан). Военнослужащий, штурмовик.

³⁰ Ручной пулемёт Калашникова.

³¹ 7,62 мм автомат Калашникова, принятый на вооружение в 1949 году.

Я грустно посмотрел на него в первую встречу, а после первых налетов «камикадзе» и вовсе приуныл... ФОМА отказался стрелять в самый ответственный момент... Когда опасность миновала, я перезарядил его и увидел пробитый капсюль патрона: накольник затвора был изношен и не всегда работал правильно...

Я сделал полную разборку, тщательно почистив весь механизм... Не помогло, проблема осталась, а через три дня случилось ЧУДО: третья рота первой вошла в захваченную лесополку... Как бы объяснить попроще, что это значит... Ну, примерно так: «Ашан» + военторг + оружейный магазин + аптека + сувенирная лавка в одном флаконе... и при этом у тебя ПОЛНЫЙ безлимит по карте! Мечта моей Наташки...

Зайдя в хату к Депутату (позывной командира 3-й роты), я увидел счастливый круг лиц, слегка подуставших от непосильного шопинга... Депутат загадочно улыбался:

– Заман! Смотри, что у меня теперь! – и достал из-под дивана ржавый РПК. «ЧЕТКИЙ» – было написано на ремне. Он знал, что я давно хочу такой и по-моему взгляду сразу понял, что отдать придется. Что я без него уже не уйду...

Теперь «ЧЕТКИЙ» со мной всегда... Иногда, просыпаясь после ночных кошмаров, я обнимаю и целую его, как свою любимую женщину, которая, надеюсь, простит мне эту маленькую слабость...

3.

...Каждый раз отправляясь на разведку и минуя кладбище, я с болью в сердце наблюдаю несколько рядов могил с ещё свежими венками... Ветер треплет жовто-блакитный³² стяг над ними... Аллея героев... «СЛАВА ГЕРОЯМ» золотыми буквами... Многие ушли в возрасте чуть старше моих детей... За что погибли они??? Возможно, что я живу в одном из домов, где они провели свое детство... Там такие же иконы, как были у моей бабушки-украинки, ковры, посуда, скатерти, рюмки, ложки, коробочки с иглами и кучей разномастных пуговиц, игрушки, будто из моего детства, горшки с цветами, такими же, как в мамином доме...

Затопив печь, я почувствовал, что вернулся в детство... Тот же запах тепла и бабушкиного уюта... Слезы стояли в глазах... Я русский солдат... Я НЕ ХОЧУ УБИВАТЬ таких же, как мы... Мы с украинцами одной крови... Мы даже не братья... МЫ – ОДНО И ТО ЖЕ! Мы выросли на одном молоке... Мы росли в одной стране... Многие из них служили в СОВЕТСКОЙ армии и научились так же достойно воевать... И умирать, как ВОИНЫ, не дав задний ход во время боя... За что же наши матери льют слезы, хороня своих сыновей... За те пряники, что на Майдане раздавали англо-саксонские господа митингующей толпе?.. Горечь от них не забудется... И послевкусие будет долгим...

...Мне умереть не страшно... Мне страшно от того, что мои сыновья могут принять после меня эту кровавую эстафету... И что им придется убивать... Своих братьев... Правнуков тех, с кем я вырос в одной большой и дружной стране... С кем делил хлеб и пил самогон, желая здоровья и долгих лет жизни...

4.

...Три часа ночи... Тишина прерывается лишь порывами промозглого ветра... До утра моя вахта... Пока братья отдыхают, я сканирую ночь ушами, прислушиваясь к малейшему шороху... Мыши-твари прогрызли закрытую пачку сигарет... Кофе в термосе остыл... Да, это облом... Утро не задалось... Но есть кое что и похуже... Два дня назад, заступая на позицию,

³² Желто-голубой флаг Украины.

наша группа получила сводку: в трёх километрах от нас противнику удалось захватить утраченные позиции... Вполне вероятно, что кто-то из пацанов про...ал (вполне приличная солдатская лексика) вспышку и заснул от усталости... Результат – несколько двухсотых и пропавших, скорее всего попавших в плен...

Ещё не зная этих новостей, мы по дороге увидели мчащийся навстречу бэтер³³ с кучей пацанов на броне. Такая цель – лакомый кусок для оператора «камикадзе», который, как черт из табакерки, вылетел из соседней лесополосы... Я шел первым и первым его увидел...

– ВОЗДУХ!!! – ору своим, снимая предохранитель своего «ЧЁТКОГО», нажимаю спуск и... ничего! В спешке утренних сборов забыл загнать патрон в патронник... Расслабон в теплой хате сделал своё дело... Резко дёргаю затвор, загоняя патрон в ствол...

«Комик» идеально проходит надо мной... Вижу его зад и подвес с боеприпасом... Не сбить его в такой момент – это надо быть реальным рукожопом... Камера у него впереди, и он уже меня не видит... Высота – идеальная! – метров десять выше верхушек деревьев... И его жопа для меня, как мишень в тире... Всё, как учил меня ВЕЛИКИЙ ЧИТЕР³⁴!.. Идеальная раскладка!.. СПУСК!!! И ничего-о-о-о-о... Патрон зашёл неровно... Перекос... Перезаряжаю... Прицеливаюсь... «Комик» пролетает дальше по нашей тропе... Достать ещё можно, хотя уже ветви деревьев мешают...

Что остановило меня в этот момент? Разуму это недоступно... Что-то кожей почувствовал... Как зверь дикий... Мы потом по секундам разобрали ситуацию... «Камикадзе» увидел, что бэтер уже недоступен под плотным покровом веток, а мои пацаны идут по открытой поляне с тяжёлыми рюкзаками, и решил спикировать на них...

Резкий маневр не удался: его занесло, и он взорвался метрах в двадцати позади Тимура и Фили... А если б я его снял, их бы уже не было... Он проходил ПРЯМО над ними, и я этого не видел за поворотом тропы... Дыхание АНГЕЛА... Или чья-то молитва была ИМ услышана...

³³ Бэтер, бэтээр (слэнг) – БТР, бронетранспортёр.

³⁴ Читер – игрок, нарушающий правила, используя запрещённое программное обеспечение или чит-коды (читы), которые дают ему преимущество перед другими.

Вячеслав Заходякин³⁵

Зона СВО

Зона СВО... В местах соприкосновения тоже живут люди. Там, где проходят войска, существует зона особой опасности. СМИ часто рассказывают о подвигах солдат и офицеров, участвующих в СВО, о зверствах наемников, карателей, фашистов, о жертвах среди мирного населения, которое попадает под обстрелы. А сведения о том, что делается в ближайшем тылу, нечасто попадают на голубые экраны. Поэтому хочу рассказать о том, как живут люди на освобожденных территориях, что им приходится испытывать, какие разные они по характеру. Люди, пострадавшие от СВО... Они живут вместе с нами или уже погибли. Их судьбы не связаны друг с другом, но объединяет их проживание вблизи границы России и Украины.

После 2014 года жизнь сильно поменялась. Раньше россияне свободно ездили на Украину. Одежда для детей и взрослых, продукты, бытовые приборы на рынках приграничных городов Украины стоили дешевле, чем в России. Выгоднее было получить зарплату в России и поехать на рынок на Украину. Разница в курсе валют и ценах позволяла чувствовать себя человеком на украинских базарах и в магазинах. Находили способ жить припеваючи и украинцы.

1.

...Виктор всю свою жизнь жил в Новопскове – приграничном поселке на территории Украины. Его бизнес строился на нефтепродуктах и обмене валют. Он переделал свой пассажирский УАЗ в маленький бензовоз так, что в его баки можно было залить полторы тонны бензина. На Украине бензин стоил намного дороже, чем в России. Он приезжал на ближайшую российскую АЗС, заправлял свой уазик и уезжал сливаться на Украину, где его друзья с небольшой наценкой продавали бензин согражданам, потом менял гривны на рубли и опять ехал заправляться в Россию.

Потом законы стали жестче и граница фактически закрылась. В первые дни СВО была освобождена большая территория Луганской области. Дом Виктора попал под обстрел и был полностью разрушен. Пришлось уезжать в Россию. Постепенно решались проблемы с документами. Жизнь с трудом налаживалась, но жить в зоне СВО опасно до сих пор. Прилетают ракеты, кружат в небе беспилотники. Не хочется жить в том месте, где можно погибнуть, где жизнь под угрозой.

2.

...Беженцем с Украины Константин стал не по своей воле. Постоянные обстрелы, страх за свою жизнь и жизнь детей вынудили его покинуть родительский дом. Он забрал жену, родителей, детей и уехал, куда глаза глядят, можно сказать, на пустое место. Никто его не ждал, деньги быстро заканчивались, и тут ему повстречался местный фермер – Гаврилович. Он предложил Константину маленький старый дом, несколько сараев на окраине большого села и работу в своём фермерском хозяйстве.

Константин, посоветовавшись с роднёй, предложение принял. Работы было много, но она была в удовольствие. Дети стали ходить в местную школу, старики занимались разведением

³⁵ Заходякин Вячеслав Владимирович. Работал программистом. Пенсионер. Живет в Белгороде.

домашней птицы, выращивали овощи на огороде, рядом с домом посадили молодые фруктовые деревья. Язык не поворачивается назвать Костю непатриотичным человеком. Он, уезжая из Рубежного и оставляя там дом, думал о безопасности семьи, детей, и не его вина, что там зона СВО и постоянные обстрелы.

3.

...Андрей с самого детства хотел работать, как и его отец, в шахте. Опасная, но хорошо оплачиваемая работа, хотя и постоянный риск, зато ранний выход на пенсию. После школы он окончил колледж и устроился на шахту к отцу горнопроходчиком. И тут началось противостояние Украины с шахтерскими регионами Луганска и Донецка. Андрей ушел воевать добровольцем. Снаряд взорвался в нескольких метрах от него. Тяжёлое ранение, длительная реабилитация, посеченное осколками лицо. Пенсия небольшая, для того чтобы выживала семья и радовались дети, пришлось работать таксистом, возить людей из Перевальска к линии соприкосновения. Прифронтовой таксист – такая теперь у него специализация. Андрей больше не воюет, но его работа опасна и нужна в настоящий момент не меньше, чем работа солдата.

4.

...Виктор и Ирина познакомились на курсах повышения квалификации. С личной жизнью у обоих были проблемы, и тут неожиданная, но такая долгожданная встреча. У него дом в Грайвороне, у неё в Алексеевке. Новую жизнь решили начинать в Грайвороне. Рядом таможенный пост с Украиной. Один из первых снарядов, в самом начале СВО, прилетел с Украины и разнес в щепки летнюю кухню, потом снаряд разорвался на соседском подворье. Взрывы стали раздаваться всё чаще и чаще. После попадания ракеты в машину Виктора решили, что пора уезжать. В Алексеевке, в доме у Ирины, жизнь потекла своей чередой: огород, сад, хозяйство. Постепенно нашлась работа. Теперь Виктор и Ирина живут на новом месте, а из Грайворона приходят сообщения, что от их дома практически ничего не осталось.

5.

...Олег работал учителем в одной из школ Волоконовского района. Зарплата небольшая, а дети растут. Пришло время, когда Родину нужно защищать. Во время летних каникул он заключил контракт с Минобороны и пошёл в отряд «БАРС». Теперь вместе со своим другом занимался охраной от налётов беспилотников техники, оставленных в приграничье жилищ.

В один из дней он с товарищем на машине ехал вдоль границы. Атака беспилотника стала полной неожиданностью. Друзья погибли, не успев даже выскочить из машины. Семья осталась без кормильца.

Олег не ходил в атаку, не сбрасывал на головы неприятеля бомбы, он просто защищал свою землю и погиб. Один из многих жертв жестокой войны.

6.

Счастье – город недалеко от Луганска, а район называется Станично-Луганским. Городок петлёй захлестнули Айдар да Северский Донец. После школы Виктор поступил в сельхозинститут, закончил его, но его все время тянуло работать в госавтоинспекции. ДАИ – на Украине так сокращённо называется Державная Автомобильная Инспекция. В народе эту организацию несколько видоизменили и стали называть ДАЙ. Коротко и понятно: если останавли-

вают машину инспекторы, значит, дай на карман, и тебя пропустят дальше. Виктор начинал службу лейтенантом и постепенно дорос до капитана, начальника Станично-Луганской ДАИ.

Леночка, симпатичная дочка местного фермера, который занимался выращиванием арбузов, в свои восемнадцать лет горя не знала, папа купил ей новенький автомобиль, и она возила арбузы на местный базар, где и продавала их. Времени свободного много, арбузы – продукт сезонный.

Однажды Виктор заметил подозрительно нагруженный автомобиль, приближающийся к посту ДАИ, где он дежурил. Леночка была небольшого роста, и из-за руля её почти не видно. Виктор остановил машину, представился, попросил документы, но вместо документов прямо в окно ему подали громадный арбуз. Следом за арбузом Леночка с обворожительной улыбкой протянула водительское удостоверение и техпаспорт. Виктор покраснел, увидев такие яркие, выразительные глаза, его лицо стало цвета мякоти спелого арбуза. Отпускать Леночку так не хотелось. Виктор задерживал документы в своей руке, хотя уже выучил их наизусть. В конце концов он всё же попросил номер телефона и назначил встречу.

События развивались стремительно, и не только на любовном фронте, но и в политике. Лена с Виктором жили на разных берегах реки, недалеко друг от друга. Крышу дома Виктора было видно с веранды дома Леночки. Но наступили времена, когда началось противостояние, сумятица, сказать честно – настоящая война. Город Счастье был разделён на две части. Мост взорвали, и передвигаться по нему стало невозможно, к тому же на берегах стояли блокпосты. Тысячи родственников оказались по разные стороны границы, ни пройти ни проехать. В одной части города ополченцы, в другой нацисты из «Правого сектора». Попасть под случайную пулю стало плёвым делом. Люди боялись выходить из своих домов.

Однажды на обоих блокпостах заступили на дежурство знакомые Виктору люди. За самогон и пару канистр бензина, через разбитый мост по настилам из поддонов и лестницам Виктору удалось забрать Леночку вместе с её отцом к себе. Лена ожидала ребенка, и это событие стало неожиданным счастьем для Виктора. И тут началась СВО. Счастье освободили в первые дни операции. Фронт постепенно уходил на запад, и жизнь стала налаживаться. Виктор воюет, освобождая родную Луганскую область. Леночка растит дочь и ждёт его в городе с прекрасным названием Счастье...

7.

...Хохол и Румынка – так эту парочку называли в институте. Славик родился на Украине, а после трех лет родители перевезли его в Россию по месту жительства отца. Отец Флоры, так зовут девушку, – румын. Свою жену нашел на Западной Украине, стал там жить, работать устроился в местной соляной шахте главным инженером. Мать занималась воспитанием детей (у Флорички есть младший брат).

Славик встретил Флору после службы в армии, он учился на третьем курсе, она поступила на первый. Постепенно подружились, и вот они уже неразлучны. На занятия – вместе, в общежитие – вместе. Он жил на пятом, а она на втором этаже. Можно было на веревочке спустить цветы или отправить кружку с запиской: «Приходи». Друзья посмеивались над этой дружбой, слишком разные ребята: он высокий – она маленькая, Славик спокойный, а Флора похожа на вулкан. Непонятно, на чем держалась их дружба. Он закончил институт и уехал к себе, она через два года пригласила его на выпускной. Встреча была со слезами на глазах. Оба понимали, что вместе им не быть, так сложились обстоятельства. А потом – дружба по телефону. При первой возможности они звонили друг другу, поздравляли с праздниками, сообщали новости. В их семьях родились дети, встретиться больше не получалось: между ними тысяча километров. Славик жил в России, а Флоричика на Украине. Память о юности по-прежнему тревожит их сердца. За это время были разные моменты: они почти враждовали, часто злились друг на

друга. Она жила там, где насаждался нацизм. Он её не понимал. В начале СВО они так кричали друг на друга, обвиняя в том, в чем не были виноваты, но положить трубку не могли: спорили и смеялись, рассказывали новости и ждали нового звонка. Сейчас оба в разводе, никто их больше не упрекнёт, оба смотрят на свои телефоны и ждут звонка, когда знакомый голос скажет:

– Привет, ты как?

– Нормально, а ты?

Или пропищит эсэмэска от милого адресата. Между ними тысяча километров расстояния и жизнь, полная надежды на обыкновенное человеческое счастье, когда сердца бьются в унисон и не нужно слов, достаточно только взгляда...

Сейчас множество людей стало заложниками СВО, они живут, рискуя собственной жизнью. Эти люди не могут ответить на угрозы, но они являются тылом нашей армии, помогают нашим солдатам и офицерам, которые с оружием в руках защищают Родину. У каждого из них свое предназначение, которое выбрала для них судьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.